

Мзия Ратиани, Мурман Ратиани

ГОРЦЫ

Мурман Ратиани

Горцы

«Издательские решения»

Ратиани М.

Горцы / М. Ратиани — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503842-5

Роман «Горцы» основан на реальных событиях конца XIX и начала XX веков. Герои романа — реально участвовавшие в этих событиях люди. Это книга о борьбе кавказских абреков против произвола властей, о рыцарях доблести и чести, им не чужды были и человеческие чувства — любовь, дружба и ненависть. Вечно гонимые, они не прощали предательство и ненавидели рабство.

ISBN 978-5-00-503842-5

© Ратиани М.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Вступление	8
Том первый	11
Глава 1	11
Часть 1	11
Часть 2	15
Часть 3	23
Часть 4	25
Часть 5	28
Часть 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Горцы

Мурман Ратиани

Мзия Ратиани

*Посвящается президенту
Ассамблеи народов Кавказа
Руслану Кутаеву*

*Корректор Надежда Соболева
Дизайнер обложки Евгения Язвенко*

© Мурман Ратиани, 2019
© Мзия Ратиани, 2019
© Евгения Язвенко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3842-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я представляю на суд читателей книгу, над которой тридцать лет работал мой отец – Мурман Ратиани. В советские времена к нему не раз обращались с просьбой издать книгу, но в том варианте, в каком предлагали соответствующие службы он этого сделать не мог. Мой скромный труд над работами отца придал, надеюсь, хоть в малой степени тот рисунок, какой он предполагал в своих замыслах. Могу смело сказать, что собирая и работая над своими материалами, он акценты делал взвешенные, для него мужественные, честные люди, независимо от вероисповедания и происхождения, были в приоритете. В 1962 году Ратиани был направлен в командировку в Кабардино-Балкарию и в Северную Осетию, где он познакомился с известными писателями и творческими людьми этих республик. Известный кабардинский писатель Аскерби Шортанов повернул судьбу Ратиани на историческую стезю. Неизгладимое впечатление на Мурмана произвел, роман Шортанова «Горцы», не случайно он своему роману дал одноименное название. В Осетии он был желанным гостем у Сараби Чехоева и Владимира Царукаева. Увлеченный историей Кавказа, он в последующем по своей специальности выступал только в качестве консультанта. Большой след в его работе оставил, известный чеченский ученый, профессор Юнус Дешериев, который часто гостил у нас дома в Грузии. С 1968—73 годы Ратиани безвылазно пропадает на Северном Кавказе, где его со многими известными людьми знакомит его земляк чеченского происхождения Магомед Дуашвили. Он подружился с лезгинским писателем Няметом Лезгином, и бывал у него дома в Кусарском районе. С автором романа «Зелимхан», с чеченским писателем и диссидентом Магомедом Мамакаевым он дружил, и провел с ним много времени. В его распоряжение были переданы много материалов карачаевского писателя, автора повести «Абрек» Османа Хубиева, а также запрещенные к публикации документы и работы историков и писателей со всего большого Кавказа. С 2001 года Мурман Ратиани на базе своих полевых исследований и многочисленных документов, полученных им от кавказских друзей, готовил к изданию свой роман, но внезапная смерть 2013 году прервала его работу. С 2015 года незавершенную работу отца продолжила я.

Я благодарна всем, и писателям, и историкам Кавказа которые делились с Мурманом Ратиани своими материалами и мыслями. Особая благодарность Магомеду Дуашвили, который повез его на Северный Кавказ и представил нужным для его работы людям. Только в Чечено-Ингушетии, с короткими промежутками, он провел 5—6 лет, с 1968—73 гг.

Книга еще не закончена, если ничего не произойдет, до конца 2020 года я представлю читателю 3 том. По многочисленным просьбам читателей издаю два первых тома. Когда я начала работу над собранными моим отцом материалами, а намеревалась я написать повесть главный герой которого чеченский абрек Кута. Мои друзья, которые лучше меня разбираются в писательском деле, ознакомившись с работами отца, порекомендовали мне написать роман, спасибо им огромное.

В начале своей работы я не сомневалась, что книгу посвящу своему отцу, но работая над его трудом, поняла, что это будет не справедливо в отношении него, он является одним из авторов этого исторического романа. Решение сделать автором романа Мурмана Ратиани я приняла больше года назад, и все это время ломала голову, кому посвятить эту книгу, кто более достоин, быть примером борьбы абреков- этих славных рыцарей Кавказа. История Кавказа щедра на славные имена: Шейх Мансур, Джамбулат Болотоко, имам Шамиль, абрек Кута, Звизд Гамсахурдия, Джохар Дудаев- история Кавказа продолжается, кто следующий!

Сегодня, острота борьбы ничуть не ослабла, напротив, увядающая Российская империя стала непредсказуемой, более опасной и жестокой. Когда кругом все озлоблены, напуганы, клеветают друг на друга, предают друг друга, есть человек, не останавливаясь ни перед чем, не различая людей по религии и национальности, идущий вперед ради торжества справедли-

ности. Соратник и продолжатель дела Гамсахурдия и Дудаева он не изменил своим принципам и не свернул с избранного пути. Он делает все, чтобы укрепить горские традиции и вернуть доверие и дружбу народам Кавказа. Он наиболее больше походить на героев моего романа, книга посвящается президенту «Ассамблеи народов Кавказа» – Руслану Кутаеву.

Вступление

О романе «Горцы» Мурмана Ратиани и Мзии Ратиани

Нашему вниманию представлен, еще не законченный, роман «Горцы» грузинских писателей Мурмана и Мзии Ратиани, где впервые дана честная, основанная на действительных событиях, оценка, без вмешательства и заказа властей. В романе удивительно, красочно, детально, с криминалистической точностью описаны поразительные сюжеты деятельности так называемых кавказских разбойников, именуемых в народе абреками.

В начале XX века в Российской империи тема абречества была очень популярной, рассказы об абреках вызвали среди российской интеллигенции самые различные мнения, формировали к себе порою противоположные отношения, часто сами абреки характеризовались, как разбойники, так и народными мстителями. Абреками кишел весь Кавказ. Они были везде: в Грузии, Азербайджане, Дагестане, Чечне, Ингушетии, Осетии, Кабарде, Балкарии, Карачае, Адыгее. В царское время об абреках писал Ахмед Цаликов в своей знаменитой книге «Кавказ и Поволжье».

Враждебные отношения царской власти к покоренным народам, методы и приемы жандармерии принуждали абреков сопротивляться угнетателям. И как не вспомнить слова героя чеченского народа Асланбека Шерипова, который, оценивая жесткое противостояние царской власти и горцев Кавказа, произнес: «Власть терроризировала народ, а абреки терроризировали власть». Почему такая сложилась ситуация? Дело в том, что царская администрация на Кавказе не выработала такую систему управления, которая учитывала обычаи, традиции, религиозные верования непокорных горцев, обладающие самоуправляющимися горскими обществами, отношения внутри которых регулировались на основе адатов и шариатских норм, часто расходившихся с их самоуправляющимися горскими обществами.

В советский период о жизни, деятельности, борьбе кавказских абреков писали целый ряд писателей. Так, в 1930 году осетин Дзахо Гатуев опубликовал документальную повесть «Зелимхан», написанную на основе кропотливого изучения документов в архивах Ленинграда, Москвы, Грозного, встречаясь с людьми, знавшими самого Зелимхана. Карачаевец Осман Хубиев в 1938 году написал повесть «Абрек», адыг Тембот Керашев в 1957 году опубликовал свою повесть «Абрек», кабардинец Аскерби Шортанов в 1978 году опубликовал роман «Горцы», чеченец Магомед Мамакаев опубликовал свой роман «Зелимхан» в 1981 году. Абрек Зелимхан, легендарная личность и он у него изображен в качестве народного мстителя, борца за утверждения социальной справедливости. Подвиги его необычайны, но они представляют собой индивидуальный террор, направленный как против родовых отношений, так и против существующей царской системы, которую абреки, несмотря на их подвиги, мужество, героизм, поддержку простого народа, никак не могли изменить. И только её изменение через социальные революции позволили бы решить проблемы народа, испытывавшего тяжелое угнетение эксплуататоров. Так, писали историки в своих исторических трудах. Полагая, что проблемы, за которые боролись кавказские абреки, в советское время в значительной мере были преодолены.

Однако, нельзя не отметить, что рыночные отношения, которые ныне определяют социально-экономическую основу в различных регионах, в том числе и на Кавказе, никак не приближают к социальной справедливости людей, наоборот, углубляют социальное расслоение, ныне появляются «неодворяне», новые формы несправедливости, происходит стремительное обнищание, проявляются скрытые формы эксплуатации. Выявлено немало социальных язв, что приводит к формированию новых условий для порождения неоабречества.

Прошли многие годы, кавказские писатели позабыли об острых социальных коллизиях, язвах. И вот 2019 году нам представлен роман «Горцы» Мурмана и Мзии Ратиани, отца и дочери. Признаюсь, что этот роман на меня произвел не только глубокое впечатление, он заинтересовал меня с точки зрения исторических фактов, персоналий, заставил по-новому посмотреть на взаимоотношения между народами Кавказа, которые после завоевания Россией, испытывали тяжелый гнет угнетения, подавления свободы и независимости. В то время система социальных, правовых отношений, которая навязывалась российской империей завоеванным народам, расходилась с их обычаями, традициями, дружескими, братскими отношениями, они подвергались жестокому испытанию.

Роман «Горцы» – увлекательный, остросюжетный, легко читаемый роман, где исторически точными знаниями описаны традиция горцев, их блюда, названия мест и рек, института побратимства, кровной мести и взаимной помощи. В ходе его чтения приходилось осмыслить каждый из прочитанных фактов, сюжетов, проследить всю канву авторского замысла, логику его рассуждений.

Не вызывает сомнения, что роман основан на реальных фактах, преданиях, воспоминаниях, сохранившихся в народной памяти, архивных и полевых документах. Главный герой романа Кута – знаменитый абрек конца XIX века из чеченского села Довта Мартан. В своих записках Ермолов этот аул называет «Доун-Мартан», как он пишет, «это змеиное гнездо, где всегда приют находят кабардинские абреки». И это село было сожжено палачом горцев. В народе аул был известен тем, что здесь сложилась известная на всем Кавказе исламская школа, где в детстве обучался и Ушурма (шейх Мансур), его мать Ану родом из Довта Мартана. Там учились не только чеченцы, но и ногайцы, адыги, балкарцы, кабардинцы, где у детей завязывались братские отношения, многие из которых сохраняли это братство на всю жизнь.

Героями романа «Горцы» являются кавказские абреки: Кута-чеченец, Саламбек-ингуш, Мушни Ратиани-сван, Канагат – карачаевец, Давид Циклаури – хевсур, Аллахверди – табасаранец, Кири-Буба – лезгин, Ахие Джангузов – балкарец, Дато Шеварнадзе-грузин, Аслан Клишбиев – кабардинец, Ильяс Тхогазитов – адыг... Они известные народные мстители на всем Кавказе. Они доверяли, и преодолевая любые преграды, мчались на помощь друг другу в самые сложные ситуации. Эти защитники простых людей, угнетенного народа считались настоящими рыцарями Кавказа. В романе они изображены как бескорыстные рыцари, устремленные на защиту чести, достоинства, независимости, свободы, обычаев, традиций своих народов.

Кавказская война, которую Шамиль вел 25 лет в конце XIX и в начале XX века не закончилась, она приобрела стихийное, народническое, абреческое движение. Описанное в романе движение абреков на Кавказе – реальная сила, которая обладала возможностью дать ощутимый отпор не только полицейским, но войсковым соединениям Российской империи. Абреки в силу их мобильности, народной поддержки, были хорошо информированы и быстро группировались и уходили без потерь от преследований.

В первой части романа закручивается драматический сюжет, связанный с чеченским мальчиком, который оказался в центре жестокой кавказской драмы. Он невольно становится заложником старого грузинского князя Геловани. Сын Геловани, молодой царский офицер, проезжая на фаэтоне через ярмарку на границе с Турцией, хлестал плеткой направо и налево простой люд. Попадает он и в чеченца, прибывшего на ярмарку, который вскочил на фаэтом и нанес ответный удар обидчику. Офицер кинжалом ранит чеченца, который успел ответить кинжалом противнику. Молодой офицер Геловани погибает, а раненного чеченца вместе с его женой и ребенком доставили в дом князя Геловани. Ударом сабли Геловани убивает чеченца при жене и сыне.

Первая часть романа завершается освобождением чеченского мальчика из цепких рук Геловани. И это описание полно трагических событий, тонких хитросплетений, кото-

рые использовали кавказские абреки и друзья Куты из Довта Мартана. Даже регулярные русские войска в Грузии, брошенные, по доносу Геловани, против Куты и других абреков, не смогли помешать освобождению из плена мальчика и отправке его на свою родину. Таким образом, Кута вернул мальчика на родину, не дал реализоваться коварному плану Геловани.

Через сложные перипетии мальчик был возвращен на родину. И в этом огромная заслуга грузинских, хевсурских, сванских, балкарских побратимов Куты.

Во второй части романа Мурмана и Мзии Ратиани изложена поразительная операция кавказских абреков по возвращению долга рабочих нефтепромыслов в Баку. Рабочие разных национальностей и вероисповеданий, длительное время трудившиеся на нефтяных промыслах, не могли получить свою зарплату. Заканчивался месяц рамадан, рабочим мусульманам, хотелось побыть на празднике в своих семьях. За помощью они обратились к кавказским абрекам, которые с участием Куты проводят дерзкую и хитрую операцию, вынуждают выплатить деньги рабочим капиталистов Нагиева, Тагаева, а также Нобелей. Получив деньги, рабочие с большой радостью отправились на празднование рамадана к своим нуждающимся семьям.

Интересен сюжет угона казаками триста лошадей у чеченца Шоптака, поселившегося за Терек. Похищениями коней, угоном скота занимались и казаки, тем самым проявляющиеся свою удаль и отвагу, нанося урон горцам. По заданию русского правительства он готовил лошадей для российской армии. Вернуть подготовленных для строевой службы лошадей хозяину взялся абрек Кута из Довта Мартана. В этом вопросе горцы проявили удивительное изобретательство, отчаянную отвагу и смекалку. Лошади были возвращены хозяину, и тем самым была сохранена его честь, как надежного партнера-поставщика лошадей в царскую армию.

Описывая эту историю, Ратиани мастерски поведали читателю о любви черкесской девушки Тимази с её соплеменником Исламом, которая закончилась трагически.

Таких трогательно-экспрессивных сюжетов достаточно много в романе «Горцы» и они очень поучительны, возвращает читателя к временам, когда честь, достоинство, свобода слово – ценились выше золота.

Без сомнения, роман «Горцы» изображает тяжелую долю горцев с их жизненными коллизиями, социальными противоречиями, страстями, борьбой, которую вели горцы и народные защитники за социальную справедливость, имеющие свое представление об идеале, к которому они были устремлены в это жестокое, кризисное время.

Жизнь главного героя романа – абрека Куты из Довта Мартана полна трагических опасностей, он повсеместно преследуем, осведомителями, недоброжелателями, властью и регулярной армией, не раз испытывает предательство. Но при этом он никогда не снизошел до подлости, низости. Планка его мужества, чести, нравственности, духовности была очень высока, в наше тревожное, кризисное время, когда лицемерие, алчность чуть ли не правят свой кошмарный бал, и сегодня может, служит многим примером. Говорят, что время настоящих рыцарей, людей чести, достоинства, милосердия, справедливости ушло. Жизнь героев романа «Горцы» должна сподвинуть появлению новых людей чести и достоинства, думаю, что это непременно наступит. И очень важно, чтобы их появление началось с нашего многострадального Кавказа.

В. Акаев, доктор философских наук, профессор

Том первый

Глава 1

Часть 1

За нападение на инкассаторов весной 1901 года, в котором Кута из Довта-Мартана со своими друзьями участвовал по просьбе Аюба из Старых Атагов, зачислили его к вечным врагам Российской империи, за голову которого назначили большую награду. Аюб подготовил и возглавил это удачное нападение, отбитые ими деньги помогли многим обездоленным семьям. Но для многих участников это нападение обернулось большими неприятностями. В этом нападении Кута был тяжело ранен в голову, его к себе перевез участвовавший вместе с ним в этом нападении очень близкий друг из Катар-Юрта Гирмах, сын Маги из племени нашхи. Кута не приходил в сознание, тогда его к себе в Валерик ночью на телеге забрал известный на Кавказе врач Эльмарза из племени аккий, они имели давнюю дружбу с родом абрека. Врач сделал ему трепанацию черепа, Кута пришел в себя, но рана не заживала из-за внутрикожной инфекции. О сложностях последствий операции узнал хороший друг Куты, депутат думы Таштемир Эльдарханов из Гихов, когда он приехал в Валерик проведать абрека. Мазь, привезенная Эльдархановым из военного госпиталя в Ростове, способствовала его выздоровлению. После более года тяжелой болезни известный на Кавказе врач Эльмарза из Валерика поставил на ноги абрека.

Когда близких родственников Куты взяли в заложники, старшие его рода вынуждены были в глазах русской власти отказаться от него, чтобы освободить взятых в заложники родственников. За Кутой шла охота, его дом и дома его близких постоянно были под контролем русских осведомителей. Чтобы не искушать судьбу и не рисковать жизнями близких ему людей, он подался туда, где его совсем искать не будут, – за Терек, к своему другу Дике Дишнинскому.

Дика был постарше его на несколько лет, но душа этого чистейших помыслов человека оставалась вечно молодой. Он всегда был занят поиском новой жены, хотя у него была молодая, уже третья, жена База, дочь известного в этих краях зажиточного человека по имени Шоптак Карабулакский, и взрослые дети. Он развернулся на землях войскового запаса в Кизляро-Гребенском полковом округе. За небольшой срок он обзавелся большим количеством скота, верблюдов, овец и несколькими табунами лошадей. Усадьба его раскинулась недалеко от берега реки Терек, близ станицы Червленая, но арендуемые им земли доходили до станицы Дубовская, где у него были и дальние пастбища.

В один из зимних дней, когда Кута гостил у Дики, к нему в гости приехали его друзья и несколько его дальних родственников. Хозяин дома встретил гостей с большим почтением, столы ломались от щедрости хозяина, и гости предавались наслаждению от всей этой душевной обстановки. И, как водится у горцев, начали вспоминать произошедшие с ними приключения и услышанные ими истории. Кута тоже находился среди гостей, но он не был им представлен своим именем.

Один горец из гостей из горного Беноя рассказал, как его отец по просьбе грузин участвовал в освобождении грузинской девочки, которую увезли с собой лезгины в одном из своих нападений на грузинские земли. По воле Аллаха и вмешательству нескольких наибов имама Шамиля эта история закончилась благополучно, девочку вернули своим родителям на свою родину. Этот рассказ беноевца немного сбил ритм праздности компании. В наступившей тишине заговорил другой гость Дики, его дальний родственник с Алдов, из племени дишни:

– Эта грустная история, которая завершилась хорошо, напомнила мне другую историю, которая, я очень надеюсь, будет иметь свое продолжение, – задумался он, явно собираясь о чем-то рассказать. Его звали Джонха сын Устархи по прозвищу Леча, он выделялся среди всех гостей ненапускной серьезностью. Кута приметил его давно, он говорил совсем мало, но если говорил, то по делу, было очевидно, что он знал цену слова. Он взглядом обвел всех присутствующих в комнате:

– Как многие из вас присутствующих здесь знают, я занимаюсь торговлей, много езжу, бывает, бываю в Баку, в Грузии и даже несколько раз был в Иране и в Турции. В конце лета прошлого года я был в Грузии по делам торговли, мне пришлось там задержаться в ожидании одного заказа, и на это время меня к себе в гости пригласил один сван, мой хороший знакомый по торговле. Я гостил у него дома в Вольной Сванетии. В один из дней, когда мы были в княжеской Сванетии, мы зашли в гости к другу моего кунака-свана в Местии, и когда меня представили как чеченца, он удивленно спросил:

– Ты тоже приехал за мальчиком?

Я с непониманием посмотрел на своего кунака. Мой кунак-сван махнул рукой, пытаюсь перевести тему разговора в другую плоскость:

– Мой друг купец, он занимается другими товарами, и мы зашли к тебе тоже по делу, – весело похлопал мой кунак по спине своего товарища.

Мне было уже интересно, что за мальчик и почему этот добрый сван мог подумать, что я за ним приехал.

– Скажи, друг, кто этот мальчик, почему ты решил, что я мог за ним приехать? – не сводил я глаз с хозяина дома. Тот посмотрел на моего кунака, мой сван устало пожал плечами.

– Я подумал ты за мальчиком-чеченцем приехал, что находится в заложниках у старого князя Геловани. Вот уже год, как за ним никто больше не приезжает, а раньше несколько раз бывали. Много денег собрали в их роду на выкуп мальчика, но Геловани им его даже не показал. Сваны чеченцам помогали, у себя в домах их принимали. Но они каждый раз так ни с чем и уезжали.

В доме Дики наступила гробовая тишина. Все были захвачены рассказом Джонхи, гнев стоял в глазах у каждого горца. Для чеченцев, которые порой бывали жестоки к друг другу, было оскорбительно, когда кто-то посягал на их жизни и свободы, и, не моргнув глазом готовы были отдать свои жизни друг за друга. Все с нетерпением, затаив дыхание, ждали продолжения рассказа. Джонха нарушил тишину:

Я спросил у свана:

– Скажи, а что случилось, как мальчик оказался у князя, кто этот мальчик и откуда он?

– О-о-о! Это долгая и печальная история, – задумался наш добрый хозяин.

– Князь Илико Геловани из старого грузинского рода, много лет прошло, как этот княжеский род заселили у нас в Сванетии на княжение. Некогда очень сильные, они ослабли под напором тарковских князей Дадешкелиани, и многие из них уехали в Кутаиси и другие районы Грузии. Только старый Илико не оставил мечту вернуть славу и бывшее влияние княжеского рода Геловани. И к этому он последовательно шел. Его единственный сын Джокия Геловани блестяще закончил в Петербурге военное училище, и вот-вот они ждали из Тифлиса его назначения на службу.

Это произошло летом 1900 году в Ахалцихе, на границе Грузии с Турцией, там всегда проводятся ярмарки. Когда молодой князь Джокия на фаэтоне проезжал до отказа забитую торговцами, подводами, телегами и покупателями улицу, его кучер плетью нанес удар горцу, освобождая дорогу. Тот вскочил на козлы, стащил кучера и стал его избивать. За кучера заступился молодой князь и ударил тростью горца, другой рядом стоявший горец ударил князя. В ответ князь выхватил кинжал и нанес им удар в живот своему обидчику, горец нанес ему ответный удар кинжалом. Их схватка закончилась быстро, раненый горец ответным ударом

убил князя. Этим горцем оказался чеченец. Он приехал на ярмарку в Грузию в составе группы чеченцев и ингушей, где много торговали кавказские и турецкие купцы. С ним были его молодая жена и мальчик лет трех-четырёх. Чеченца с их телегой с товаром, женой и сыном задержали русские, потом их передали князю Илико Геловани. Чеченскую семью доставили в Местию, потом переправили в Ладжано, в родовое село Геловани.

Князь не хоронил сына в ожидании их прибытия. Он саморучно зарубил связанного по рукам и ногам раненого отца семейства, зарубленный чеченец свалился намертво, и его еще теплая кровь ручьем побежала к тут же рядом стоящему гробу его сына Джокия. На площади было много народу. Жена чеченца упала в беспамятстве, связанный по рукам мальчик, бледный как мертвец, смотрел на истерзанное саблей тело отца, широко открыв свои карие глаза.

Мать и сына князь не выпускал за пределы своей княжеской усадьбы. Их мало кто видел, только те, кто по делу бывал у князя или кто работал у них на усадьбе. Этой же зимой стало известно, что мать с сыном сбежали от князя. Их побег устроила одна балкарка, она часто работала в саду у князя Геловани, зная беду этих несчастных матери и сына, она полюбила их и сделала всё для их побега. Люди князя искали их повсюду. Через неделю их нашли недалеко от перевала Бурунташ. Занесенных снегом, их учуяли собаки. Чеченка была мертва, она замерзла, она была в одном платье, всю свою одежду она натянула и укутала ею своего сына. Сын был очень слаб, но выжил, его увез к себе старый князь. Тело чеченки сваны не дали увезти грузинскому князю, ее по законам ислама похоронила та балкарка недалеко от своего дома. Родственники мальчика появились первый раз весной. Когда чеченцы предложили князю за мальчика деньги, он вернул им телегу с лошадьми убитого им чеченца с нетронутым товаром:

– Женщина с сыном погибли зимой, когда они совершили побег, – сообщил родственникам посланец князя, – заберите, что осталось от них, и нас больше ничего не связывает.

Сван виновато, как будто он повинен в этом преступлении, встал и быстро расставил перед нами чашки и пошел за чайником:

– Я угощу тебя настоящим грузинским чаем, а там подспеет и шашлык, – ворковал он, глядя на меня.

Кушать не хотелось. Мы еще немного посидели с моим кунаком у его товарища и засобирались домой. Когда, проводив нас до ворот, мы прощались, он, пожимая мою руку, посмотрел на меня:

– Они появились за мальчиком осенью еще один раз, покрутились у нас тут, в Местии, несколько раз сунулись в родовое село Геловани Ладжано, и больше их после этого никто здесь не видел, – отпустил он мою руку, похлопывая по плечу.

На второй день мы с моим кунаком-сваном были в Ладжане во дворе князя Геловани. Ветхий вид некогда зажиточного дома создавал удручающее впечатление. Всё кругом сыпалось от старости, но двор содержался в чистоте.

На площадке второго этажа появился старец в серой черкеске с газырями, поясом с серебряными узорами, без кинжала, на ногах были мягкие, удобные черные кожаные чуваки. Он спускался медленно по ступенькам лестницы с достоинством, как будто он делал одолжение всей Грузии, и в упор разглядывал гостей. Делая рукой знак рассаживаться за тут же во дворе стоящий стол, присел и он сам:

– Чем могу быть вам полезен, – посмотрел он на моего кунака.

– Я привел к вам по делу моего друга чеченца, – посмотрел мой кунак на меня.

– Князь, я чеченец, в Грузию приехал по делам торговли, я знаю историю с вашим сыном, вы отомстили сполна, мне нужен мальчик, – и я выложил на стол все свои деньги и немного золота.

– Вот всё, что у меня есть, заберите это и верните мальчика, – пододвинул я руками деньги и золото в сторону старца по столу. Князь молчал, глядя поверх денег и золота, в глубь

двора. Нездоровый блеск его глаз не предвещал ничего хорошего, он двумя руками резко отодвинул обратно ко мне мой выкуп:

– Мальчика нет, не ищите то, чего уже давно нет.

Обратно мы ехали молча, мои надежды не оправдались, от своего бессилия я был зол на самого себя:

– Скажи, а он есть, этот мальчик? Ты его видел? Есть хоть кто, кто может подтвердить, что он есть? – Глазами пожирал я своего кунака, как, будто он был виновен в этой трагедии.

– Я его не видел, но он есть! Его видели сваны, работавшие у князя, – уверенный в своей правоте, произнес он.

Я удачно завершил свои дела в Грузии, это поездка оказалась как никогда удачной. Всё у меня хорошо, но нет мне покоя, покой мой остался там, в Сванетии, с этим чеченским мальчиком, который находится в плену у грузинского князя.

Кута не пропускал ни одного слова, волнение Джонхи передалось ему, как и всем остальным тут присутствующим.

– Надо собрать в мечетях по всей Чечне деньги и выкупить его, – предложил один из гостей.

– Деньги не помогут, – тихо подал голос ушедший в себя Джонха.

– Очень большие деньги вызволят мальчика, – настаивал гость Дика, не сомневаясь в своей правоте.

– Никакие деньги не помогут, – зло воскликнул в своем углу Джонха, – я видел этого князя, видел его глаза, я слышал там, что он растит его, чтобы из него сделать христианина, чтобы этим поступком еще раз насладиться жадной мести.

– Для чего собираете деньги? – смотрел на своих гостей только что вошедший Дика, услышав конец разговора.

– Если деньги для благого дела, я дам столько, сколько соберет один аул, – улыбался он, не понимая, отчего насупились его гости.

– Мальчика надо украсть или отбить, если невозможно его выкупить, – посмотрел в сторону Джонхи гость из горного Беноя.

Дика, увидев, что идет серьезный разговор, не вмешиваясь, присел рядом с Кутой, который устроился на диване возле окна и слушал, не вмешиваясь в обсуждения гостей.

– Я об этом тоже думал, – встал из своего угла и прошел к столу Джонха. – Отбить можно, но увезти невозможно оттуда, – вспоминая еще чего-то смотрел Джонха на друзей. Затем он остановил свой взгляд на Куте:

– Откуда я тебя знаю, ты торговлей не занимался? – рылся в своей памяти он.

– Да. Он раньше занимался лошадьми, может, там и видел его, – вмешался Дика отводя Джонху от Куты.

– То, что нам кажется невозможным, обыденное дело для тех, кто, рискуя своими жизнями, каждый день борется с нашими врагами, – как клятву на Коране произнес Адам из Зандака. – Знает ли об этом Аюб из Старых Атагов, Кута с Довта-Мартана, Бага из Зандака, Зелимхан из Харачоя, Саадала из Притеречья? Кто-то из них сможет вернуть мальчика домой, – искренне веря в сказанное, смотрел он на друзей, радуясь, как будто мальчика уже вернули на родину.

Столы вновь накрыли яствами, пар поднимался над только что сваренным мясом свежего барашка. В ноздри бил запах чесночной приправы, возбуждая аппетит гостей Дики. Разговор пошел по другой канве, гости вдруг вспомнили, кто чего ел из блюд соседних народов, и, давая оценку качеству и вкусу того или иного блюда, отдались еде и напрочь забыли про мальчика. Только о нем не забыл Кута.

На второй день гости засобирались домой. Дика снарядил их подарками для их родных и отправил за Терек домой. Вечером засобирались и Кута.

– Я знал, что сегодня ты ускачешь, – улыбнулся Дика, – в Грузию? – посмотрел он на абрека.

– Поскачу в Балкарию, к своему другу Ахие Жангуразову, у них через хребет всегда налажена дорога со сванами, – проверял свое оружие Кута.

Зная, что абрек в любое время надумает ускачать, еда для абрека у Дики всегда была готова: сушеный бараний курдюк, сушеное мясо и кукурузная мука. Когда стемнело, Кута вскочил на своего коня и исчез, как будто его тут никогда и не было.

Часть 2

Зима в этом году была холодной. Шел январь 1902 года, весь Кавказ был в плену у наступивших холодов. Утреннее солнце слепило лучами, переливающимися серебром белого блестящего снега, который укутал предгорье и лесистые Черные горы. Среди этой божественной красоты легкой рысью на длинноногом вороном жеребце скакал в сторону Дигорского ущелья укутанный в башлык всадник. Его черная борода и брови были сплошь покрыты белым инеем, изменяя весь его облик, неизменными оставались лишь его карие, быстрые, подобно молнии, глаза, которые замечали всё, что творилось кругом.

Это был чеченский абрек Кута. Из-за навалившего в горах и в лесу снега передвигаться было очень сложно. Вот и вынужден был он остановиться у своего друга дигорца в ауле Топан в Дигории. Надо было переждать день, чтобы, как стемнеет, двигаться дальше в аул Кюнлюм в Верхней Балкарии.

Абрека осетин встретил с большой радостью, тут же в честь гостя зарезал барана, и этот день закончился очень быстро за разговорами и расспросами. Вечером, когда Кута засобирился в дорогу, друг дигорец решил его проводить. Абрек не смог отговорить осетина, и они вместе прибыли в Верхнюю Балкарию. Балкария – благодатнейшая земля, прекрасны ее горы, леса, горные луга и Эльбрус, величественный исполин всех Кавказских гор.

Рано утром всадники въехали в Кюнлюм. Даже такой мороз не в силах был справиться с рекой Черек, на берегу которой раскинулся аул, она весело с журчанием неслась вниз. На левом берегу неизменно и величественно стояла башня Абая. Аул просыпался: то там, то здесь из печных труб саклей шел утренний дым, несколько собак выбежали со двора на улицу,

услышав стук копыт коней, но, видя их неторопливый шаг, лениво размахивая хвостами, убежали обратно в тепло, в свои укрытия.

Когда трое всадников подъехали к дому Ахии, из дома вышел горец, направился к воротам и, открыв их, шагнул со двора на улицу. Кута узнал его, это был старший брат Ахии Асхат. Сошедшие с коней гости разминали тела и пытались таким образом согреться:

– Ассаламу алейкум! – выступил вперед Кута и подал руку балкарцу, другой рукой вытирая иней, покрывший его лохматую шапку, брови и бороду.

– Ваалейкум ассаламу! – подозрительно рассматривал гостей балкарец, подавая каждому руку.

Когда Кута приподнял надвинутую до бровей мохнатую шапку на затылок и улыбнулся, тот громко засмеялся:

– О Аллах! Да это Кута! – быстро повернулся он в сторону дома и махнул рукой. Из дома в одной черкеске с карабином в руках выскочил Ахия:

– Чтоб мне провалиться на месте! Неужели Кута, – распростер объятия и бросился он к своему другу. – Ассаламу алайкум! Пусть ваш приезд будет подарком Аллаха, дорогие гости! – глядя то на Куту, то на осетин, обнимал он друга.

Только тут заметил Ахия, что он на радостях забыл положить карабин, и передал его старшему брату:

– Мне тоже приходится быть настороже, – улыбнулся он, кивая на карабин в руке брата.

Осетин хотел было что-то сказать, но братья балкарцы не дали и слова произнести, подталкивая их во двор. Тут же подскочившие молодые люди увели их коней на скотный двор за домом.

Всё же через некоторое время осетины еле уговорили хозяев дома, чтобы те отпустили их домой. После полудневной молитвы, поблагодарив хозяев дома за гостеприимство и пожелав Куте удачи, дигорцы ускакали домой.

Вечером, когда гость с хозяином дома остались вдвоем, Ахия устроился на деревянной кровати напротив Куты и посмотрел ему в глаза:

– Кута, ты знаешь, что я и весь мой род вместе со всем аулом всегда рады тебе и готовы за тебя отдать свои жизни. Мы всегда ждем тебя и рады тебе. Я знаю тебя хорошо, ты всю свою сознательную жизнь на своих плечах переносишь чужую боль и тревогу, думаю, и сейчас, в эти трудные морозные дни, ты не сидишь возле теплой печки, а носишься по всему Кавказу, возложив на себя ответственность за чью-то боль. Я готов тебя послушать и хочу знать, чем бы я мог быть тебе полезен, – выжидающе разглядывал он чеченца.

Кута о чем-то думал, собираясь с мыслями, Ахия его не торопил и ожидал терпеливо, о чем ему поведает его чеченский друг.

– Грузинский князь в Сванетии держит в заложниках чеченского мальчика. Родные мальчика, потеряв надежду вернуть его обратно и, возможно, поверив, что его уже нет в живых, оставили попытки вернуть его домой, – оставаясь всё еще в плену своих мыслей, посмотрел чеченец на друга.

– А что отец, неужели он успокоился?! – в сердцах воскликнул Ахия.

– Связанного по рукам и ногам отца мальчика грузинский князь Илико Геловани зарубил насмерть на глазах сына и его матери.

– Значит, с ним его мать? – обрадовался хозяин дома.

– Нет. Мать умерла во время их побега, замерзла, не дойдя до перевала в горах.

Друзья какое-то время сидели молча.

– Кута, чем я могу тебе помочь? Если ты ко мне приехал, значит, ты что-то надумал, – пытался заставить говорить чеченского абрека балкарский абрек.

– Ахия, я вспомнил твоего друга, свана Мушни из княжеского рода Ратиани. Этот мужественный горец мог бы мне оказать большую услугу, выяснив точно о судьбе чеченского мальчика, находящегося в заточении у грузинского князя в Сванетии.

– Ты его тоже неплохо знаешь, – весело заулыбался балкарец.

Кута тоже улыбнулся, вспомнив свана Мушни, которого балкарцы звали Муратби, и красавицу-балкарку Фатику.

Было это летом 1899 года. Кута приехал вечером в Кюнлюм по просьбе Ахии. Балкарцу один офицер русской армии, ногаец, рассказал, что по почтовому тракту, сообщаемому с Закавказьем, проходят большие деньги. Он предлагал напасть на инкассаторов на Моздокской укрепленной линии, через которую проходит почтовый тракт, где меньше всего ожидают нападения.

Тогда Ахии не оказалось дома. Братья и родные встретили чеченца с радостью и завели его в дом. Угостив гостя, брат Ахии Асхат предложил ему отдохнуть с дороги, пока он отлучится по одному делу:

– К нам утром приехал в гости друг Ахии из Вольной Сванетии. В обед он уехал в аул Гелястано на свадьбу и торжества у князя Урусбиева, там будет его девушка-балкарка, с которой он дружит с детства. Они познакомились с ней, когда она приезжала в Сванетию к своей тете, которая замужем за одним сваном. Я боюсь, как бы чего там не произошло, – с сожалением объяснил Куте брат Асхат и виновато опустил глаза.

– Едем вместе, – не оставляя места для обсуждения, встал Кута, поправляя кинжал на своем поясе.

Когда Кута и Асхат прискакали в Гелястано, свадьба была в самом разгаре. Их встретили возле широко раскрытых ворот и, как только они сошли с коней, их скакунов увели на большой задний двор. Куту и балкарца пригласили пройти во двор. Столы были накрыты и под навесами, и под открытым небом во дворе, особо важных гостей заводили в дом. Гостей было много со всего Кавказа и много знакомых Куты: черкесов, кабардинцев, осетин и несколько ингушей, которых Кута лично не знал.

Брат Асхат быстро нашел, кого искал: его двоюродный брат, сопровождавший свана, и сам сван, сидели за столом под навесом. Друзья присоединились к ним. Сван не слышал, что ему говорил Асхат. Он то и дело, то приподнимаясь, то садясь, в толпе гостей искал кого-то. Он был чуть моложе Куты, очень крепкого сложения, в каждом его движении ощущалась кошачья ловкость, упругость и большая сила, казалось, если он раздвинет плечи, разорвется черкеска на нем. К столу, за которым сидели Кута и его товарищи, быстро подошел балкарский князь Навруз Урусбиев, со всеми поздоровавшись, он обнял Куту:

– Если я от вас уведу гостя нашего народа, надеюсь, вы не обидитесь, – посмотрел он на товарищей чеченца.

– Мы будем только рады, если вы ему уделите больше внимания, – улыбнулся и встал Асхат, пропуская абрека из-за стола. Навруз вместе с Кутой прошли в дом. Кута расположился за столом возле окна, отсюда очень хорошо просматривался двор. Многих сидящих за столом Кута не знал, но это были очень милые люди, они не мешали абреку и говорили о своих делах.

Вдруг в их комнату с шумом ворвался нарядно одетый горец, в ком легко можно было распознать князя. Быстро пробежав по лицам сидящих людей за столом, он расплылся в улыбке, увидев чеченца. Кута узнал его тоже, это был кабардинский князь Аслан Клишбиев, но титул князя ему нисколько не мешал заниматься абречеством.

– Дорогой мой друг, ты в Кабарде, а я узнаю об этом последним, – недовольный, покачивал он головой, крепко сжимая руку Куты и обнимая его. – Я знаю, что вы что-то затеяли, надеюсь, что найду место в этом деле, – не отпуская Куту, прошептал ему в ухо Аслан.

– Я знал, что найду тебя тут, – улыбался Кута, разглядывая Аслана. – Всё никак не подберешь невесту? – подшучивал он над князем. – Приезжай к Ахии, поговорим.

– Непременно я у вас появлюсь, завтра же, – с таким же шумом, как и появился, исчез за дверью кабардинский князь.

Во дворе заиграла гармонь, в такт мелодии молодой горец отбивал дробь доули. Площадка во дворе быстро наполнялась людьми, готовящимися к горским танцам. Точно так же, как готовят скакунов к скачкам, молодые горцы готовились к переплясу: каждый приглашал свою любимую на танец и в ритме движения танца пытался передать чувства, переполняющие их сердца.

Кута удобно устроился на своем стуле и готов был наблюдать за этим развлечением, пока закончат свои дела его товарищи. Брат Ахии забежал к Куте и, убедившись, что их гость устроен хорошо, побежал к другому гостю их дома, к свану, которому никак не удавалось переговорить со своей любимой девушкой.

Как и положено у горцев, первый танец исполнил старец. Несмотря на свой возраст, он легко закружился в ритме музыки, только в его движениях не было страсти, присущей влюбленным. Девушка-горянка, словно лебедь по воде, плыла в танце, то приближаясь, то отдаляясь от танцора. Уважая возраст горца, она замедляла свои движения, и со стороны старый горец казался значительно бодрее. В знак уважения к старику все, кроме музыкантов, встали со своих мест и от всей души в ритме музыки хлопали в ладоши, ведь танцевали старый князь и красавица Фатика.

Из окна Кута видел лица девушек, стоявших в кругу, мужчин, расположившихся напротив них спиной к абреку. Веселье набирало силу, каждый пытался пригласить Фатику: это были ее торжества, и она по праву была красивее всех горянок на этой свадьбе.

К Куте подсел балкарец, и они разговорились. Вдруг послышались крики и шум во дворе. Чеченец взглянул в окно и заметил, как Асхат, размахивая руками, на высоких тонах говорил с каким-то горцем. Извинившись, Кута быстро вышел во двор и направился в гущу толпы. В середине толпы друг против друга стояли две группы. Против двух братьев Ахии, за спиной которых стоял сван, стояла большая группа балкарцев, а руки всех горцев лежали на рукоятках кинжалов. В любую минуту могла пролиться кровь.

Балкарцы требовали от свана освободить Фатику от данного ему слова, что она выйдет за него замуж. Один балкарец поклялся именем Аллаха, что не позволит свану увезти Фатику, а клятва отмывалась только кровью. Сван заявил, что никогда не откажется от любимой девушки и что готов за нее погибнуть. Братья Ахии поклялись, что убьют любого, кто подойдет к их гостю. Балкарцы, которых было несколько десятков человек, напирала на свана, и в воздухе стояло напряжение, готовое взорваться в любую минуту.

Кута понимал балкарцев: такие красивые женщины, как Фатика, делают честь любому народу, и они не хотели, чтобы ее увезли в другие края. Чуткий взгляд абрека чуть ранее успел заметить, как переглядывались сван и балкарка. Сомнений не было: они любили друг друга. Какие бы страсти там ни кипели, за кого пойдет его дочь, решал все-таки отец Фатики, который сидел тут же, чуть в стороне, а за его спиной стояли сыновья, наблюдавшие за разгоравшимися страстями.

Группы уже почти сошлись, когда Кута вошел в круг и стал между враждующими сторонами. Когда один из балкарцев протянул руку, чтобы убрать Куту с дороги, абрек чуть выдвинул кинжал из ножен, обнажая лезвие блестящей стали.

– Если я вытащу его из ножен, не вложу его обратно в ножны, кроме как обогренным чьей-то кровью! – зло посмотрел он на напирających балкарцев.

– Это Кута! – услышал он голос из напирającej толпы балкарцев.

– Что еще за Кута! – пренебрежительно бросил чуть захмелевший среди балкарцев заводила, увлекающий всех за собой на свана.

– Это чеченец, абрек Кута! – радостно воскликнул кто-то из окружающей толпы. – Асса-ламу алейкум! – подскочил к нему его хороший знакомый из черкесских бесленеевцев и, положив руку на рукоять кинжала, встал рядом с ним.

Балкарец из надвигающейся группы, узнав Куту, обнял его, подавая ему руку:

– Кута, ты против нас? Ты хочешь с нами сразиться из-за свана? – искренне был удивлен горец.

Кута видел, как осложнилась ситуация, как враждующие группы поклялись, и понимал, что кто-то из клятвы должен был выйти через пролитие крови, так как никто не желал откатиться от Фатики.

– Я ни за кого, я за себя самого! – громко заявил чеченец, так что во дворе наступила тишина. – Я Фатику не видел раньше, но был наслышан о ее красоте! А теперь, увидев ее, решил, что сам женюсь на ней!

По толпе прокатились возгласы удивления. Братья Ахии опешили и открыли от удивления рты. Сван схватился за кинжал, но его удержали его провожатые. Подвыпивший балкарец не менее громко заявил:

– Нам плевать, кого убить, свана или чеченца, но Фатику никому не отдам!

К Куте и бесленеевскому черкесу подошел балкарский князь Урусбиев, о чем-то поговорив с остальными, князь поднял руку, требуя тишины:

– Кута – мой гость! – Князь обвел взглядом стоявших во дворе людей. – И чьей женой станет Фатика, определит не бой на кинжалах, не даже желание самой Фатики. За кого её выдаст ее отец Мухарби, тому она и будет женой, – посмотрел князь в сторону отца девушки. Толпа расступилась, образуя живой коридор, где важно восседал Мухарби. Навруз направился к старцу:

– Уважаемый Мухарби! Твоя дочь уже невеста. Достойная невеста, если за нее готовы тут же у нас во дворе сложить свои головы прославленные и известные люди. Я прошу у вас ее руки для своего гостя и друга, чеченца Куты, более достойного мужа ей не найти!

– А знает этот достойный чеченец, что моя дочь стоит очень дорого? – усмехнулся он, поглаживая свою длинную седую бороду.

– Все хлопоты своего гостя за его женитьбу я беру на себя! – весело улыбнулся князь, довольный таким оборотом дела.

– Я считаю, что мы договорились! – встал Мухарби, давая знать сыновьям, что они уходят.

– В следующее воскресенье можете забирать свою невесту! – объявил Мухарби, уже покидая княжеский двор с сыновьями.

Тут же, вскочив на своих коней, ускакали братья Ахии со своим гостем сваном.

– А знает ли этот чеченец, что праздник надо устроить и на балкарской земле до того, как они увезут невесту? – никак не успокаивался балкарец из уже успокоившейся группы горцев.

– Будет вам праздник, каких вы еще не видели! – улыбался Аслан Клишбиев, стоявший, пожимая руку Куты.

Была уже ночь, когда братья Ахии со сваном прискакали в родной аул Кюнлюм. Ахия был уже дома:

– Ну, как свадьба? Видели Фатику? – глядел он на вошедшего в дом брата Асхата, выискивая во дворе в темноте кого-то. – А где Кута? – смотрел на братьев и свана Ахия.

– Наверно, со своей невестой, – усмехнулся старший брат.

– На Фатику имеет право смотреть теперь только твой друг Кута, она его невеста, – подержал Асхата двоюродный брат.

Ахия ничего не понимал, глядя на осунувшегося от горя свана, понимая, что что-то произошло.

– Мушни, кто-нибудь может мне объяснить, что случилось с вами, что произошло на свадьбе?

Братья, передавая друг другу слово, подробно рассказали, что произошло на свадьбе в ауле Гелястано, а князь Мушни Ратиани только молчал.

– Ахия, помоги мне ее увидеть хоть один раз, – умоляюще посмотрел Мушни на друга. – Если она согласна, мы убежим через хребет в мою страну, где ее даже чеченцу не достать.

Страдающий взгляд друга ранил сердце балкарца.

– Тут что-то не так, – возился в памяти Ахия. – Я Куту знаю хорошо. Знаю его род, много гостил в его доме в Довта-Мартане. Он не крадет чужое счастье, его жизнь посвящена тому, чтобы делать других счастливыми, – не верил услышанному Ахия. – С юношеских лет этот отважный чеченец борется за честь угнетаемых и оскорбленных врагами горцев, несмотря на их религию и происхождение, в любом уголке Кавказа. Не щадя своей жизни, он устремляется на помощь бедным и нуждающимся и бьется насмерть со злом, где бы оно ни творилось. Зная его благородство и мужество, зовут на помощь, ждут там, где никто другой не может справиться с бедой, – рассуждал балкарец, верный друг Куты. Не дожидаясь утра, вооружившись, абрек Ахия поскакал куда-то в ночь.

Вернувшись в свой родной аул Кундетово, Мухарби распорядился готовить Фатику к свадьбе в ближайшее воскресенье. Фатика согласилась и ушла к себе: решение отца не подлежало обсуждению. Умом она это понимала, но ее сердце разрывалось от настигшего горя. Мушни был старше ее на пять лет. Она еще маленькой девочкой всегда восхищалась им и его другом Хергиани, когда гостила у тети в Сванетии. Ей было пять лет, когда в Сванетии ее котенок залез высоко на дерево и не мог оттуда слезть. Фатика просила у соседских мальчишек достать ее котенка, но никто не решался залезть на верхушку тонкой ветки. Она плакала, и слезы ручьями бежали по ее детским щекам, когда мальчишки с соседней улицы шли мимо них.

– Что плачешь, девочка? – вытер один из них слезы подолом своей накрахмаленной белой рубашки.

– Котенок! Мой котенок, – указала она рукой на ветку, где от испуга и бессилия звал на помощь перепуганный котенок.

– Пошли, князь! – звали мальчишку друзья.

Но он, не обращая внимания на их просьбы, полез на дерево, начал подниматься по тонкой ветке. Испугавшись его, котенок полез еще выше. Затаив дыхание, все смотрели за происходящим. Ветка согнулась, когда он почти достал котенка, и он, сделав последний рывок, рукой схватил котенка. Но ветка, за которую он держался другой рукой, не выдержала и сломалась, и он вместе с котенком и сломанной веткой полетел вниз. Цепляясь за другие ветви, он упал и порвал свои брюки, но котенок был у него в руках цел и невредим.

– Вот он, твой котенок! – весело вручил он Фатике котенка.

С тех пор он, словно старший брат, присматривал за ней. Уезжая в Балкарию, она скучала по нему и с нетерпением ждала следующей поездки в Сванетию. Он был из старинного княжеского рода, смелый и красивый мальчик. Хотя их род и не имел прежнего влияния, Ратиани славилась как благородные мужественные люди. В тринадцать лет она была влюблена в него, и чувство ее было взаимным. Он приносил ей цветы с самых опасных вершин Кавказского хребта. Дальше и выше его мог подняться по скалам и спускаться в ущелье только его близкий друг Хергиани.

Теперь она должна стать женой этого абрека-чеченца. О нем много говорят, она видела его и раньше. И сегодня она смотрела на него, на этого мужественного и невероятно красивого мужчину. Но он был чужд ее сердцу, и она не понимала, как ей удастся построить с ним жизнь. Она не сомневалась, что не нарушит данного ее отцом слова, не поставит под сомнение его честь, если для этого ей придется даже умереть.

Ахия не возвращался домой. Его брат Асхат и сван Мушни приняли решение отбить у Куты Фатику, когда он ее повезет из Кундетово. Для этого они сколотили группу из десяти отчаянных балкарцев. Рано утром освободители Фатики были на месте нападения, где узкая горная дорога сворачивала и затрудняла ход. Двое из группы с раннего утра были в Кундетово, изучая обстановку на месте. Ближе к обеду они прискакали на взмыленных конях и сообщили странную новость: невесту везут в Кюнлюм, к Ахией, и свадьбу справят там. Балкарцы были обескуражены: они прибыли отбить невесту, которую везут к ним. Такого они не только не видели, но даже и не слышали, и им ничего не оставалось, как сняться из засады и ехать домой.

– Это божья воля, и здесь ничего не изменить, – виновато улыбался уже потерявший надежду Мушни.

– Кута тоже друг Ахией, я с вами вместе поеду в Кюнлюм, попрощаюсь и подамся в родные края, – тоскливо посмотрел он на Большой Кавказский хребет.

Когда они прискакали в аул, во дворе собрались родственники: отец Ахией Тавшур и старейшина рода Жангуразовых Абрек, ожидавшие прибытия невесты и гостей. Ахия распорядился во дворе, наводя порядок. В ноздри ударил запах варившегося за домом в котлах мяса. Сомнений не было: в этом доме готовились к торжествам.

– Где вас носит, почему я должен просить чужих людей помочь мне по дому! – накинулся Ахия на братьев. – Свадьбу Фатики будем праздновать здесь, – коротко отрезал он и, поворачиваясь к Мушни, добавил: – Ты одет, как на охоту, оденься попримечнее.

– Я уезжаю, Ахия, участвовать в свадьбе своей любимой девушки выше моих сил, – слезы стояли на глазах свана. Ахия взял за плечи и усадил своего друга на скамейку тут же во дворе:

– Ты мне друг, но друг мне и Кута, если ты сейчас уедешь и не поздравишь его, это будет понято как твое малодушие. Останься, поздравишь его и поедешь, – сочувственно смотрел на друга балкарец.

– Хорошо, ради тебя пойду я и на этот шаг, но Фатику видеть не хочу. Это слишком большое испытание для меня, – махнул он рукой, направляясь в дом.

Свадебный кортеж не был еще виден в Кюнлюме, когда о его приближении известили выстрелы ружей. Фэзтон въехал во двор, женщины и дети со всего аула толпились во дворе Ахией. Многие из них не видели, но слышали о красоте Фатики. Жених был не менее красив: высокий, статный, наряженный, он был тут же во дворе. Когда невесте помогли сойти с фэзтона, сквозь накиннутую на её лицо фату были видны большие черные, но грустные глаза. Здесь было много гостей, среди которых были занимавшиеся вопросом сватовства балкарский князь Навруз Урусбиев, и занимающийся вопросами проведения свадьбы кабардинский князь Аслан Клишбиев, и много других гостей. Рядом с Фатикой стоял Ахия. Кута вышел на середину круга и подошел к своей невесте и другу:

– Я много слышал от своего друга Ахией о его сванском друге князе Мушни Ратиани. Он рассказывал о его благородстве и мужестве, – посмотрел на друзей Кута.

У Фатики из глаз ручьем побежали слезы, невозможно было себя сдерживать, когда ее будущий муж тепло говорил о том, кого она не забывала ни на секунду и готова была отдать за него жизнь. Кута, не делая паузы, уверенно продолжал:

– Когда я узнал, что он поехал на балкарскую свадьбу, чтобы увидеть свою девушку, я, беспокоясь за него, с братом Ахией прискакал туда. У чеченцев есть обычай дарить друзьям самый дорогой подарок. Еще не видел его в глаза, я зауважал и полюбил, как брата, этого свана. Думаю, самым дорогим подарком для него будет его любимая девушка.

Фатика потеряла сознание и рухнула бы на землю, если бы ее не подхватил стоявший тут же рядом Ахия. У многих женщин потекли слезы радости, по лицам некоторых мужчин побежала невольная слеза.

– Но это всё не состоялось бы, если бы не помощь моих друзей, – указал Кута на Навруза и Аслана. – С самого начала отец девушки знал, что мы берем ее для сванского князя. А где сам Мушни, не сбежал ли он? – улыбнулся Кута.

Мушни стоял в сторонке. Он был не в себе, боясь увидеть Фатику и не удержаться от необдуманных поступков, но ноги сами тянулись к тому месту, откуда он сможет увидеть любимую. Он любовался ею, и всё, что творилось вокруг них двоих, было где-то далеко, в другом мире, он не видел никого и не слышал ничего! Он не понял ничего и тогда, когда Фатика качнулась, теряя сознание, он было рванулся к ней, но остановился, когда Ахия подхватил ее.

Вдруг во дворе наступила мертвая тишина. Удивленный этим затишьем, сван вернулся в действительность и посмотрел вокруг себя. Все почему-то улыбались и смотрели на него одного, и он, смущенный этим вниманием, направился, чтобы затеряться в толпе стоящих во дворе людей. Но Кута не дал ему спрятаться, идя ему навстречу. Вспомнив наказ Ахии, князь собрал все остатки душевных сил, постарался показать благородную улыбку на лице, и, приближаясь к чеченцу, проговорил:

– Кута, ты обрел бесценное сокровище. Береги ее! – выдавил он из себя и отвел в сторону глаза, чтобы скрыть наворачивающиеся на глаза слезы.

Чеченец понял, что убитый горем сванский князь не расслышал его слова.

– Значит, из нее получится хорошая жена? – снова допытывался Кута.

– Более верной и достойной жены для мужа и лучшей матери для детей не найти на этом свете! – не желая показаться малодушным и не имея сил дальше вести этот разговор, сван отодвинулся от абрека. Но Кута не дал князю уйти, удержав его за руку и остановив. Чеченец понял душевное состояние князя и не желал дальше держать его в этом мучительном заблуждении. По природе своей чеченец обладал острым умом и любил пошутить, но на этот раз было слишком жестоко шутить с этим благородным князем.

– Дорогой мой друг Мушни! Я поздравляю тебя с женитьбой на самой прекрасной девушке Балкарии! Отныне у тебя прекрасная жена, как ты этого хотел. Береги ее! И пусть прекрасная Фатика отныне будет мне названной сестрой, – весело улыбнулся Кута и крепко пожал руку, а затем обнял свана. К ничего не понимающему Мушни подскочил Ахия:

– У чеченцев есть традиция: если они, еще не видя в глаза, сердцем выбирают друга, цена его мужество, отвагу и благородство, они делают ему при первой встрече с ним дорогой его сердцу подарок. Фатика была для тебя девушкой, с которой ты мечтал идти по жизни вместе. Кута посватал ее за тебя! Она твоя! – обнял Ахия своего друга Мушни.

Свадьбу Мушни и Фатики справляли трое суток. Еще несколько дней погостив у друзей, молодожены засобирались за Кавказский хребет.

– Я в неоплатном долгу перед вами! – Мушни обвел взглядом друзей, собравшихся во дворе, чтобы проводить их. – Кута, ты мне вернул мою жизнь и мое счастье! Я буду готов всегда за тебя отдать свою жизнь, если это потребуется! – крепко обнял он чеченца.

– Аллах милостив ко мне, – широко открыв большие черные глаза, смотрела счастливая Фатика на собравшихся. – Я обрела двух мужчин: супруга Мушни и брата, мужественного чеченца Куту!

Кута всё еще был в плену воспоминаний и не мог сдержать улыбку.

– Да, придется исполнить данное мною обещание Мушни и Фатике и поехать к ним, – улыбнулся он смотрящему на него Ахии.

– В эти дни в горах всё покрыто толстым снегом, мы к Мушни не попадем. Несколько дней назад группа сванов перебралась к нам через хребет. Мне кажется, что это такое развлечение у сванов, – улыбаясь, смотрел Ахия на Куту. – Они скоро пойдут обратно домой, вот их и попросим передать, что ты у меня ждешь в гости Мушни.

Часть 3

Прошло больше десяти дней, как Кута гостил у Ахии. Был конец января, морозы крепчали. В этот день Ахия со своим гостем выехали на прогулку. Друзья направились к башне Абая пешком, ведя за собой коней. На улице стоял сухой мороз, солнце ярко светило, ослепляя глаза блеском серебристого снега. Под ногами трещал свежевывпавший снег, издавая радостный хруст при каждом шаге. Мороз давал знать о своей силе и Череку, по обоим краям его берега, где разбег течения не так стремительно высок, образовалась корка белого тонкого льда. Небо было чистое, и величественные Кавказские горы лежали как на ладони.

– Зря мы позвали Мушни, – глядел в сторону большого хребта Кута, – морозы в горах будут только крепчать, и неизвестно, чем может закончиться этот поход, – сокрушался он.

– Успокойся, Кута, он же не полезет на вершины, сваны знают все лазейки в горах. Мне порой кажется, что Аллах создал этот уникальный народ исключительно для того, чтобы покорять все горы мира, – весело засмеялся балкарец. Друзья вскочили на коней и поскакали вверх в сторону вершин гор, как будто намеревались встретить своего сванского друга. У подножья гор они остановили разгоряченных коней и посмотрели вниз. Аул лежал как на ладони. Над саклями из печных труб поднимался вертикально вверх дым, образуя столбы огромных размеров, что являлось свидетельством отсутствия малейшего ветра. Нагулявшиеся всадники, порезвившиеся кони остались довольны прогулкой.

Короткий зимний день прошел быстро. Прочитав предвечернюю молитву, добавив свет в керосиновой лампе, Кута читал Коран, когда во дворе дома Ахии он услышал голоса людей. Закончив начатый аят, он положил Коран на верхнюю полку и вышел во двор, чтобы понять, что там происходит. Во дворе стояли несколько человек, и в открытые ворота были видны сани, запряженные лошадьми. Ахия звал кого-то в дом, но тот, поблагодарив его, укатил на своих санях. Увидев стоящего на пороге дома Куту, Ахия весело бросил, ведя наверх по лестнице несколько человек:

– Встречай своих сванов!

Ахия с гостями ввалились в дом, неся с собой морозный холод январской ночи.

– Ассаламу алейкум! Мир этому дому, – снял свою лохматую шапку шедший впереди, и Кута узнал Мушни.

– Ва алейкум ассалам, – чеченец с любопытством разглядывал свана, который с трудом начал стягивать с себя овечий тулуп. Друзья подали друг другу руки и крепко обнялись. Чеченец отпустил свана, отошел на шаг назад и внимательно разглядывал его:

– Ты что, на свадьбу собрался? Черкеска, кинжал, – улыбался Кута.

– Нет! У меня еще с собой и карабин! Скорее на войну! Меня же позвал сам абрек Кута, уверен, что не для развлечений, – отпарировал сван, продолжая улыбаться. Тем временем разделись и другие горцы, вошедшие с Мушни.

– Кута – мой верный друг детства. Дато из рода Хергиани. Если бы не он, навряд ли я сегодня был бы здесь, – подвел он статного, крепкого горца с красивыми чертами лица и снаряженного, как и Мушни.

Дато с любопытством разглядывал чеченца-абрека:

– Много был о тебе наслышан. Фатика передавала тебе салам и наказала нам доставить тебя в Сванетию хоть связанным, – весело засмеялся он, подавая руку чеченцу и крепко сжимая его руку. Гости расселись в большой комнате. Прямо впереди у стены был большой камин, где, издавая треск, весело плясал огонь от поленьев буковых деревьев. Когда гости после обильной и вкусной еды разогрелись от мягкой теплоты, их тела, уставшие после тяжелого перехода перевала, размякли. Хозяин дома встал из-за стола:

– Кута, наши гости устали, пожалуй, мы сегодня отдохнем, а завтра спокойно обсудим наши дела, – обвел он взглядом сидящих за столом горцев.

– Нет! – наотрез отказался Мушни. – Мы не настолько устали, чтобы сейчас не послушать, зачем меня позвал Кута, – он поудобнее расселся на стуле, глядя на чеченца. Согласно с мнением своего друга Дато Хергиани повернулся в сторону чеченского абрека.

– Ну что же, кажется, вечер затянется надолго, – улыбнулся Ахия.

– Чай всегда должен быть горячим и часто подаваться, – посмотрел он на племянника, стоявшего, облокотившись на дверной косяк входной двери комнаты.

Наступила тишина, все смотрели на чеченца.

– Недели две назад, когда гостил у одного чеченца, я узнал, что у грузинского князя Илико Геловани в заложниках находится чеченский мальчик. Я должен его вернуть в чеченское общество и отдать его родным. Мне нужно знать, на самом ли деле находится у князя этот мальчик. Если это так, как лучше всего его вернуть домой, в Чечню? – Кута внимательно смотрел на друзей сванов.

– Да, мы знаем эту печальную историю, – посмотрел Мушни на своего друга Дато. – Несколько месяцев назад, ближе к осени, чеченский купец платил за него много золота, но старый князь непреклонен. Он отказал ему, – о чем-то думая, продолжал Мушни.

– Выкупить мальчика невозможно: для Илико деньги давно потеряли свою значимость, – включился в разговор Хергиани. – Мне кажется, что этот вопрос решили бы князья Дадешкелиани, хотя фактически род князей Геловани разорили они. В свое время Тенгиз Дадешкелиани оказал какую-то очень серьезную услугу Илико Геловани, и он в неоплатном долгу перед ним. Самого Тенгиза нет в живых, но его сын Татархан знает эту историю. Если у тебя есть подходы к Дадешкелиани, думаю, что без больших хлопот заберешь мальчика домой, – обратился к Куте Дато.

– У Дадешкелиани часто гостит карачаевский князь Крымшамхалов, – подал голос Мушни.

– Ислама Крымшамхалова я знаю хорошо. Мы с ним дружим, и я изредка бываю у него, – обрадовался этой новости Кута. Тут подал голос до сих пор молчавший хозяин дома:

– Насколько я понимаю, князь Илико Геловани – своенравный и непредсказуемый человек. Давайте представим, что он откажет князьям Дадешкелиани, что, скорее всего, он и сделает, что тогда? – Ахия обвел взглядом сидящих за столом гостей.

– Тогда мы насильно проникнем в его дом и вернем Куте мальчика, – безоговорочно объявил Мушни.

В комнате повисла тишина, был слышен лишь треск загорающихся, только что подброшенных в камин поленьев. Было уже за полночь, затихли и домочадцы Ахии в другом конце дома.

– Я не дам вам вступить в конфликт ни с каким родом у себя дома. Я знаю, что такое кровная месть в сванском обществе. Мне от вас нужна всего лишь помощь, – Кута посмотрел на сванов, затем, как о давно принятом решении, не раздумывая, продолжил. – Убив отца мальчика, старый князь отомстил за своего сына, – он обвел медленным взглядом всех сидящих за столом. Глаза его засверкали, словно перед ним стоял его кровник. – Жизнь любой женщины-чеченки стоит жизнью двух состоявшихся мужчин, – отрубил он, всё еще не забывая жестокую смерть молодой чеченки, матери мальчика...

Морозы в эти дни на Кавказе только усилились. Ахия не отпускал своих гостей никуда, и они еще несколько дней, пока чуть не стихли морозы, провели в балкарском ауле. Друзья договорились, что по весне, когда можно переходить перевалы, Кута вместе с карачаевским князем Крымшамхаловым приедет в Сванетию к князьям Дадешкелиани и через них попытается вернуть мальчика домой. Если это не удастся, то Кута с группой горцев приезжает в Сване-

тию и насильно забирает мальчика, а его друзья-сваны помогают ему перебраться через Большой хребет в Балкарию.

На этом и договорились. Мушни сдругом Хергиани ринулись в очередной раз покорять высоты седого Кавказа. Кута в сопровождении своего друга Ахии поскакал в Кабарду, откуда, немного погостив, намеревался перебраться в Чечню.

Часть 4

На смену холодной зиме в 1902 году пришла ранняя весна. Деревья нарядились в зеленые цвета листьев, на лугах и по обочинам дороги распустились полевые цветы. Уже третий день чеченский абрек Кута гостил в Карачаеве у местного князя Ислама Крымшамхалова в ауле Уччулан в Большом Карачаеве.

Уччулан был крупный аул, где проживали несколько тысяч человек. Здесь было несколько мечетей, торговых лавок и кузнечных мастерских. Аул был расположен вдоль реки Уччулан в том месте, где в нее впадает река Уллу-Кам, и славился на всю округу развитым пчеловодством и скотоводством.

Был уже второй день, как Ислам послал своих людей на перевал Накра, чтобы узнать там о состоянии дел и возможности перехода в Грузию. По прибытии Кута рассказал Исламу о цели приезда к нему. Карачаевский князь отнесся с пониманием к нему и обещал помочь во всем, чем сможет. Вот и ждали друзья посланцев князя на перевал, чтобы определить время своего выдвижения в Сванетию к князю Татархану Дадешкелиани. Вечером второго дня люди Крымшамхалова прибыли и сообщили, что дорога в Грузию открыта. Люди князя перешли перевал Накра и исследовали дорогу Грузии в сторону Местии и убедились в безопасности поездки.

На второй день после приезда людей князя с разведки на перевале они во главе с князем и чеченским абреком направились в сторону Большого Кавказского хребта на перевал Накра в Грузию. Дорога была нелегкой, а чем выше в горы, тем тяжелее и изнурительнее. Единственное, что радовало, – это красота гор и лугов, живительный воздух, дующий прохладой с вершины Эльбруса.

На второй день вечером гости прибыли в Сванетию и подъехали к усадьбе князя Дадешкелиани. Хорошо обустроенная усадьба со всех сторон была окружена высоким каменистым забором, за которым чуть поодаль, в глубине двора, стояла высокая башня, считавшаяся самой высокой в этих краях. Ворота усадьбы открылись, и вышедший встретить их горец предложил им въехать во двор, не спрашивая, кто они и зачем приехали. Въехав во двор, всадники соскочили с коней. Кута и Ислам, бросив поводья коней сопровождающим их горцам, прошли в сторону большого деревянного дома, за которым возвышался гранитный исполин – родовая башня Дадешкелиани.

Двор был обустроен роскошно: здесь были разбиты клумбы цветов, и по периметру забора посажены деревья. Вокруг дома были маленькие, но очень уютные строения, а за домом виднелись мастерские и конюшня. Пока гости разглядывали двор, приводя себя в порядок и разминаясь от долгой дороги, на широкой лестнице деревянного дома показался мужчина средних лет, среднего телосложения, одетый в красную черкеску, из под которой виднелся синий шелковый бешмет и сверкал пояс, золоченный украшениями. Едва увидев Ислама Крымшамхалова, он раскинул руки и быстро сбежал по лестнице:

– Кто приехал ко мне в гости, какой человек! – восклицал он, быстро направляясь в сторону карачаевского князя и чеченского абрека. Ислам и Кута направились навстречу хозяину дома. Едва хозяин и гости встретились, два князя бросились в объятия, похлопывая по спине и плечам друг друга. Татархан Дадешкелиани, а это был он, никак не мог успокоиться от радости встречи:

– Слушай, какой гость, какой человек! – восхищался он карачаевским князем и только теперь обратил внимание на рядом стоящего чеченца, наблюдавшего за встречей друзей. Высокий, стройный, необычайно крепкий Кута не мешал друзьям насладиться радостью встречи. Подавая руку чеченцу, Татархан встретился с жестким, цепким взглядом чеченского абрека. Князь, крепко сжимая его руку, причитал:

– Слушай, какие гости! Какие люди! – восклицал он, приглашая жестом пройти в сторону дома.

Дом Татархана Дадешкелиани и вправду был обустроен по-княжески. В центре большой гостиной стоял огромный круглый дубовый стол, который опирался на львиные лапы, изваянные из того же дуба. А вокруг стола были расположены стулья с высокими спинками, обтянутые кожей черного цвета. В гостиной перед большим камином стояли огромные, тяжелые кресла, накрытые медвежьими шкурами. А в восточной части комнаты стоял простой, но украшенный резьбой низкий полукруглый стул-трон для главы семьи Махвши (так звали главу семьи). Большую гостиную освещал канделябр с множеством свеч. А на столе в огромной черепашьей пепельнице дымил чибух, трубка с дорогим табаком.

Накормив, гостей отправили отдохнуть с дороги. Вновь они собрались уже ночью в богато убранном зале и расселись за щедро накрытым дубовым столом на тяжелые с высокими спинками стулья. Татархан посмотрел на своих гостей:

– Ислам, коль ты приехал ко мне в гости с этим чеченцем, – он посмотрел на Куту, – что-то привело вас ко мне. Я хотел бы услышать, какую пользу я могу вам принести и что вас привело ко мне? – выжидающе посмотрел он на Ислама, затем и на Куту.

– Татархан, мы на самом деле прискакали к тебе по делу и, пожалуй, лучше всего будет, если Кута сам и расскажет, – посмотрел он на своего чеченского друга. Абрек сделал паузу, собираясь мыслями. Князя в ожидании смотрели на него:

– У грузинского старца князя Илико Геловани в заложниках вот уже больше двух лет находится чеченский мальчик. Отец мальчика в драке убил сына старого князя, но он в отместку убил, зарубив саблей, чеченца. В попытке убежать погибла жена убитого им чеченца: ее мертвой нашли недалеко от перевала Бурунташ. Оставшегося в живых мальчика князь удерживает в заложниках. Во все времена кавказцы не воевали с женщинами и детьми. Я пришел за мальчиком. Его надо вернуть в свое гнездо, в свой род, к своим близким.

Хотя внешне абрек оставался спокойным, его блестящие в гневе глаза и бегающие по скулам желваки свидетельствовали о его решительности.

– Я знаю эту историю, и мне говорили, что князь Ратиани занимается этим вопросом. Этот некогда сильный княжеский род Геловани сегодня ослаб, но чувства собственного достоинства он не потерял. Хотя, по правде сказать, Илико закрылся у себя дома, и что у него теперь в голове, знает один господь, – размышлял вслух хозяин дома.

– Татархан, этот невеселый чеченец мне как брат. Когда в моей жизни связи, власть, деньги не помогают, тогда у меня остается лишь один безупречно разрешающий споры абрек Кута. Могу тебе смело сказать, что он заберет мальчика живым или мертвым, но заберет и предаст его тело чеченской земле. И я не завидую тому, кто станет на его пути. Примени свой авторитет, влияние, ибо без мальчика мы уйти не можем! – Карачаевский князь хотел, чтобы Татархан понял значимость их приезда.

В это время в зал, где они сидели, прибежал работник дома и сообщил, что приехал брат Татархана.

– Пригласи его к нам, пусть присоединится к нашей беседе, – дал команду хозяин дома. Прошло немного времени, и в комнату, где сидели Татархан и его гости, вошел человек в военной форме в звании майора, его звали Джансуг, у русских он был записан как Георгий. Он быстро направился к сидящим за столом. Кивнув брату, он радостно подал руку карачаевцу:

– Ну что, князь, как вы там поживаете? На этот раз я точно заеду к тебе, – улыбался он, затем подал руку Куте.

– Знакомся, Джансуг, мой близкий друг из Чечни, – продолжал улыбаться радующийся встрече Ислам. Джансуг присел рядом с братом. Братья Дадешкелиани сидели напротив своих гостей. Ислам и Татархан расспрашивали офицера о его делах, службе. Он отвечал, но исподлобья разглядывал чеченца, сидевшего и думавшего о чем-то своем, не мешая друзьям общаться. В какой-то миг офицер вскочил, и рука его легла на кобуру нагана, висевшего на поясе:

– Да это Кута, чтоб мне сдохнуть, – не сводил он взгляд с чеченца, который и не шелохнулся, как будто сказанное им его и не касалось

– Какой Кута? – с недоумением посмотрел Татархан на брата.

– Чеченский абрек Кута, – кричал Джансуг, рассерженный непониманием своего брата.

– Так ты его знаешь? – удивленно посмотрел Татархан на брата.

– А кто его не знает?! – усмехнулся, вдруг успокоившись, офицер.

– Я его, к своему стыду, не знаю, – вспомнив о чем-то, князь вновь стал внимательно разглядывать чеченца.

– С момента, как вошел сюда, я думаю, откуда знаю его, – улыбаясь, офицер вышел из-за стола и направился к гостям. Присев рядом с абреком, он подал ему руку. – Во Владикавказе, в Грозной – везде твои фотографии, и назначена большая награда за твою голову, – не отпуская, тряс он руку чеченца. – Тебя русские боятся, но много горцев-служащих уважают тебя.

– Ну вот, теперь мы все знаем друг о друге всё, – засмеялся до сих пор молчавший карачаевский князь. Собравшиеся вновь обсудили цель приезда Куты.

– Ислам, ты наш друг. Наш отец Тенгиз дружил с твоим отцом. Отныне нашим другом станет и чеченец Кута. Какие бы деньги не требовались для выкупа мальчика, мы заплатим, – братья Дадешкелиани удовлетворенно посмотрели друг на друга. – Я завтра же поеду к князю Геловани и переговорю условия освобождения мальчика, – довел до своих гостей свое решение Татархан, глядя на гостей.

Утро было теплое, но надо было ожидать полдневной жары. В Сванетии весна наступила раньше, чем за Кавказским хребтом. Во дворе князя пышным цветом цвели цветы в клумбах, и в гуще зелени листьев деревьев проснулись бутоны будущих фруктов. К Геловани решили поехать вместе. Князь Дадешкелиани со своей свитой и с гостями подъехал к воротам Илико. Ворота открылись быстро, как будто их ждали. Издалека видно было сидящего за столом, находящимся во дворе дома рядом с лестницей, старого князя. Видно было, что старый князь был занят своими мыслями. Гости сошли на улице с коней, вошли во двор усадьбы и направились к князю. Увидев вошедших во двор людей, старец медленно встал, отложил в сторону кинжал, с которым он возился, и вышел из-за стола.

– Приветствую тебя, дорогой Илико, – выйдя вперед, протянул руку, здороваясь с ним Татархан. Поздоровался с князем и Ислам. Кута кивнул, но руки не подал. Грузин их обвел взглядом и рукой показал на стол, приглашая их рассестись:

– Что тебя привело ко мне, Татархан, чем могу помочь тебе? – смотря ему в глаза и пытаясь что-то прочитать, проговорил старый князь.

– Со мною мои друзья, карачаевский князь Ислам Крымшамхалов и чеченец Кута, – показал на них Татархан.

– Я знал его отца, – посмотрел грузин на Ислама, – мы с ним ладили, дружили. А про абрека наслышан, – устало опустил он голову.

– Илико, ты знаешь, зачем мы у тебя. Назначь свою цену, и мы закроем эту тему и заберем мальчика с собой. Его надо вернуть на свою родину, с детьми не воюют, – не сводил Татархан глаз со старого князя.

– Я давно говорил: нет у меня мальчика. Можете даже проверить, – посмотрел он на чеченца. Было понятно, что мальчика они не получают. Гости встали. Кута направился в сторону улицы со двора, сделав несколько шагов, он остановился и оглянулся назад:

– Это наша не последняя встреча, – посмотрел он на князя и, не оглядываясь назад, покинул его двор. Татархан и Ислам попрощались со старцем и вслед за чеченцем вышли на улицу, где поджидали их кони.

Когда от Илико друзья прискакали в усадьбу Дадешкелиани, их поджидал еще не уехавший Джансуг, брат хозяина дома:

– Кута, мы одно из колен тарковских князей. Внутрисемейные неурядицы заставили наших отцов искать пристанище в Сванетии. Я по работе бывал в Дагестане и в Чечне, полгода был прикомандирован к аппарату наместника на Северном Кавказе. Я точно знаю, что наши предки бывали у тебя на родине, в Довта-Мартане. Ты потомок достойных отцов и храбрый воин, отныне ты наш друг и можешь рассчитывать на нас всегда, – он с восхищением смотрел на Куту.

– Я благодарю всех, кто пытался мне помочь. Тебя, Ислам, бросившего все свои дела и приехавшего со мной в Грузию. И вас, – Кута посмотрел на братьев Дадешкелиани, – вы сделали всё, что было в ваших силах, чтобы вернуть мальчика. Но надо сделать невозможное, и этим я займусь, – улыбнулся чеченец, глядя на князей.

Пожелав счастливой дороги обратно в Карачаево Исламу и много добра сванским князьям, Кута направил своего коня в Вольную Сванетию, к своему другу сванскому князю Мушни Ратиани и к его жене, его названной сестре балкарке Фатике. Татархан дал ему в дорогу для сопровождения своих людей, которые должны были обеспечить его безопасность в пути.

Часть 5

Весть, что Кута прибыл к князю Дадешкелиани, Мушни узнал в тот же день, но не положено у горцев тревожить чужих гостей, если даже этот гость – твой лучший друг. Фатика от радости встречи не могла себе найти места. Они с мужем давно звали к себе чеченца, и, наконец, это должно вот-вот случиться. До глубокой ночи ожидала она гостя, хотя Мушни ее предупреждал:

– Фатика, для чеченцев первые три дня и принять гостя, и гостить священные. Если Кута не уедет от Татархана в первые три дня, он будет чтить право хозяина дома на гостя, – рассуждал он, успокаивая свою жену.

Утро и обед следующего дня проскочили быстро. Мушни с утра уехал в Местию. Фатика занималась по дому и двору. Всё было сделано, всё блестело в не совсем богатом, но очень уютном доме. Следом за матерью, куда бы она ни пошла, словно привязанный веревкой, то падая, то вставая, бегал их двухгодовалый сынишка, прозванный Дато в честь друга Мушни, Дато Хергиани. После обеда Мушни прискакал к себе домой в Ушгули – село, расположенное высоко в горах у подножья вершины Шхара. Это высокогорное сванское село заложили Ратиани недалеко от истока реки Энгури в том месте, где в нее впадает река Шавцкала (Черная вода).

– Я узнал, что сегодня Кута с людьми был у старого Илико, и, кажется, у них ничего не получилось, – думая еще о чем-то, смотрел он на Фатику, расседлав коня. Он знал, что Кута без мальчика уехать не захочет, и думал, дожидаясь абрека, что можно сделать для вызволения мальчика и кого для этого привлечь. Сынишка бросился к отцу. Мушни поднял его на руки и подвел к коню. Мальчик гладил голову коня, при этом пытаясь пальцем попасть ему в глаз, но конь ловко уворачивался от попыток малыша, ловко поворачивая голову то вправо, то влево.

– Будь готова принять гостей, – бросил Мушни, проходя мимо Фатики, ведя коня в конюшню. Маленький Дато, сидевший на коне, вцепившись в его гриву, важно смотрел на свою мать, когда они проходили мимо нее.

– Ты ждешь Куту? – посмотрела жена на мужа.

– Кута, возможно, появится завтра. На сегодня я пригласил Хергиани и князя Александра Мачутадзе. Он тоже друг чеченца, нам надо посоветоваться, что делать дальше.

Хергиани был уже во дворе Мушни, когда он вернулся с конюшни, и они прошли в дом. Друзья только сели за стол поесть, Фатика была тут же, накрывая обед, когда услышали стук в ворота.

– Это прискакал князь Мачутадзе, – встал из-за стола и пошел открывать ворота Мушни. Когда хозяин дома открыл ворота, он увидел возле своих ворот на улице группу всадников. Один из них, что спешился, подошел к нему:

– Я привел к вам гостя, – кивнул он на всадника.

Кута был мрачный, как грозовые тучи, но, едва он заметил Мушни, засиял и, словно юноша, соскочил с коня. Друзья бросились навстречу друг другу и, крепко пожимая руки, по-мужски обнялись:

– Ну вот, я выполнил обещание, я прибыл к вам в гости, – улыбался чеченец.

– Кута, дорогой наш друг, мы ждали тебя, зная, что ты у Дадешкелиани, – не отпускал абрека Мушни.

– Слезайте с коней, проходите в дом, – Кута посмотрел на своих провожатых, – я думаю, хозяин дома будет рад оказать вам гостеприимство, – посмотрел чеченец на свана.

– Я вас очень прошу пройти в мой дом, попробовать у меня хлеб-соль, – Мушни умоляюще смотрел на людей князя Дадешкелиани.

– Пусть достаток не изведется у вас, мы свою миссию выполнили, нам надо скакать обратно, – старший из них с благодарностью отпарировал и повернул своего коня в сторону выезда из Ушгулы. Услышав громкий смех и возгласы на улице, из дома выбежал Хергиани, и чуть сзади от него быстрыми шагами шла взволнованная Фатика. Не отпуская подол матери, рядом с ней бежал сынишка.

Кута пожал крепкую руку Хергиани:

– Я рад, что ты здесь, – обнял он свана, – как дома, как жизнь в вашем селе Бечо?

Фатика стояла тут же рядом, ее щеки покраснели от волнения, большие черные глаза блестели от радости встречи. Кута подошел к ней, улыбаясь, и обнял ее, чуть касаясь ее плеча:

– Здравствуй, сестра! Как поживаешь? Сваны не обижают тебя? – посмотрел он на друзей, улыбаясь. И только теперь он заметил мальчонку, грозно смотрящего снизу вверх на незнакомого дядю, обнимающего его мать. Его большие черные глаза и круглое, как луна, лицо, не оставляли сомнения о его принадлежности. Кута оторвал его от подола матери, и поднял высоко над своей головой, и, громко смеясь, стал его разглядывать.

– Глаза матери, но нос и подбородок твои, – продолжал смеяться чеченец, глядя на Мушни. Затем, посерьезнев, опустив мальчика на землю, он вновь внимательно его рассмотрел:

– Я верю, из тебя получится настоящий мужчина, – он погладил мальчика по голове, и расстегнул серебром отделанный пояс со своей узкой талии, на котором были закреплены кинжал и пистолет, и протянул его Фатике:

– Это мой подарок мальчику.

Все были взволнованы встречей и до сих пор находились на улице возле ворот дома Мушни. Но пришедший в себя хозяин дома подтолкнул гостя в сторону дома, беря его за локоть. Хергиани подхватил поводья, повел коня Куты во двор и увел его на задворки в сторону конюшни.

Еще не начатый обед возобновили, и друзья ели, слушая Куту об их встрече с князем Геловани:

– Он мальчика ни за какие деньги не отдаст, его надо будет насильно забрать, это единственный возможный вариант, – объявил друзьям чеченец.

– Кута, я это предвидел, поэтому и пригласил на сегодня Дато. Должен подъехать и твой старый друг князь Мачутадзе, – посмотрел Мушни на чеченца. Кута улыбнулся, вспомнив, что-то:

– Его дерзости нет предела, но это всё прикрыто его интеллигентностью, – продолжал улыбаться он, – где он? Царственную осанку не потерял? – допытывался абрек у хозяина дома. Подал голос молчавший Хергиани:

– Мне кажется, что он не больше гордится своей интеллигентностью, чем статусом князя, – улыбался он, глядя на друзей.

– Кута, ты с дороги, отдохни! Тем временем подъедет и князь, тогда мы всё обсудим и примем решение, как выволить мальчика, – встал из-за стола Мушни и рукой показал в сторону комнаты для гостей, предлагая ему пройти туда.

Отправив Куту в комнату гостя, Мушни и старший Дато зарезали барана и быстро освежевали его. Фатика колдовала возле летней печи. Но их суета не касалась одного главного человека – мальчика Дато, который важно ходил по двору, обвязанный поясом, подарком Куты, на котором был закреплен кинжал работы чеченского мастера Дуски.

Надвигались сумерки. Когда хозяин дома вошел в гостиную комнату, Кута читал предвечернюю молитву. Мушни зажег керосиновую лампу и вышел, не мешая гостю. Когда Кута вышел из гостиной в общую комнату, там за столом сидели трое: хозяин дома, его друг Дато Хергиани и незнакомый чеченцу горец. Все встали, Кута поздоровался, подал руку незнакомцу и сел рядом с Мушни.

– Кута, этот человек вот уже несколько лет работает у князя Илико, послушай, что он скажет, – Мушни посмотрел на незнакомца.

– Мальчик был у князя, я его много раз видел у него дома и во дворе. Позавчера, где-то после обеда, к князю пришел человек и сообщил, что за мальчиком приехал какой-то чеченский абрек. Князь был очень взволнован. Он боялся, что чеченцы тут же заявятся за мальчиком в его дом. Едва стемнело, он с провожатыми отправил мальчика в Кутаиси, – обвел взглядом сидящих горцев за столом незнакомец.

– Мальчик не болеет? – не поднимая головы, глядя куда-то под стол, тихо подал голос Кута.

– Нет, он здоровый. Но он какой-то грустный, – покачивал головой незнакомый горец.

– А сколько ему лет? – поднимая голову, посмотрел чеченец на незнакомца.

– Года четыре-пять, – задумчиво произнес он, прикидывая в уме возраст чеченского мальчика. Проводив незнакомца, Мушни вернулся в дом к друзьям.

– Хватит говорить о делах, пора накормить гостя. Он и в обед едва прикоснулся к еде, – причитала Фатика мужа и его друга свана, когда в открытые двери дома донесся стук в ворота. Мушни быстро пошел открывать их. Хергиани встал на пороге дома, Фатика стояла возле сидящего на стуле чеченского абрека. С улицы донесся небольшой шум, в открытые ворота въехали шесть-семь всадников и спешили только во дворе. Дато повернулся к Куте и радостно воскликнул:

– Прибыл грузинский князь Мачутадзе со своими людьми, – быстро сбежал он по ступенькам дома во двор.

Александр Мачутадзе

Мушни с князем и Дато быстро последовали в дом, где они оставили чеченца.

– У нас в Грузии шума бывает меньше, когда из императорского дома приезжают, чем в твой приезд, – легко и быстро направился Александр Мачутадзе к уже вставшему со стула Куте.

– Добро пожаловать в Грузию, – протянул он руку, крепко обнимая чеченца. Кута разглядывал грузина и улыбался:

– Тот же блеск и достоинство князя и несовместимые с ними дерзость и интеллигентность горца, – засмеялся чеченец, отпуская руку Александра.

Друзья расселись за столом, переполненным разными блюдами, от которых исходил возбуждающий аппетит аромат.

– Князь, твоих людей накормят в соседней комнате, – посмотрел Мушни на грузина. За ужином друзья справлялись о доме, о родных, что-то вспоминали. Когда стол освободили и друзья остались одни, князь заговорил:

– О нахождении абрека Куты в Сванетии князь Геловани сообщил русским. Завтра рано утром дом Мушни будет окружен тройным кольцом. Две роты солдат с двумя пушками уже двигаются из Местии. Отход к горам и перевалам Бурунташ, Киркит-Ауш и Накра уже взят под контроль армейскими частями. Что будем делать с мальчиком, решим, когда уляжется этот шум. А сейчас я вашего гостя увожу к себе в Нигоити, – объявил князь Мачутадзе о принятом им решении. Все понимали серьезность положения, и поэтому не стали обсуждать источник информации Александра.

– Когда вы намерены двинуться в путь? – Мушни посмотрел на князя.

– Ждать времени нет! В полночь они будут уже в Ушгуле. Мои люди, оставленные на дорогах, наблюдают за их передвижением.

Мушни быстро ушел готовить коня чеченца в дорогу. Долго не прощались, договорившись встретиться, когда наступит затишье. Грузинский князь Мачутадзе вместе со своим

гостем, чеченским абреком Кутый, выехали со двора сванского князя Мушни Ратиани и поскакали в его родовое село Нигоити, расположенное рядом с Ланчхути.

Часть 6

Ночь выдалась ясной, здесь, в горах Верхней Сванетии, звезды казались совсем близко, будто протянешь руку и достанешь. Дорога вниз с Ушгули была тяжелой, и, если бы не свет луны, совсем было бы опасно двигаться. У подножья гор, как только горцы выехали на равнину, их встретили люди князя и сообщили, что военные с Лалхора двигаются в сторону Ушгули. В отряде Мачутадзе было несколько сванов-проводящих, которые повели группу по другой дороге в обход Местии. Когда Кута и его грузинский друг покинули пределы Сванетии, Мачутадзе, ехавший рядом с чеченцем, остановился в тени небольшого лесочка возле дороги:

– Кута, мы уже в Мингрелии. Тут впереди, недалеко отсюда, по дороге село, заедем к моему другу, отдохнем и поскачем дальше, – посмотрел он на чеченца уставшим взглядом.

– Тебе решать, как быть и где остановиться, я, как и положено гостю, последую за тобой, – улыбнулся Кута.

– Ко мне в Нигоити нам нужно скакать еще несколько дней. Я думаю, что будет лучше, если мы далеко не уедем от Сванетии, чтобы вернуться и забрать мальчика у Илико. А остановимся мы в столице древней Мингрелии, в Зугдиди, у родственника и друга моего тестя, князя Дадиани. Там есть места, где мы в безопасности можем остаться, сколько нужно, – князь смотрел на реакцию чеченца.

– Я думаю, это верное решение, чтобы не уехать далеко от мальчика, – согласно закивал Кута.

В Зугдиди друзья заселились в большом, со вкусом обставленном двухэтажном доме, находящемся почти в центре города. Двор был небольшой, но очень уютный. Конюшня была далеко в глубине за домом, где были небольшой сад и цветочная оранжерея. На второй день, как они приехали в Зугдиди, Мачутадзе уехал по делам, оставив Куту на попечение своим друзьям и отменному повару, который кормил чеченца как на убой.

Через неделю заявился князь:

– Кута, оставив тебя в Зугдиди, мы поскакали обратно в Сванетию. Я провел там два дня, у князя мальчика нет. Он отправил его куда-то, думаю, что в Кутаиси, где много людей из княжеского рода Геловани. Я хотел сделать тебе подарок, на этот раз не получилось.

Лицо чеченца оставалось неизменным: тяжело было понять, что он думает сейчас.

– Я благодарен тебе, князь! Думаю, что залежался я тут у вас в Грузии, изнежился на ваших мягких постелях и начинаю привыкать к вкусной еде. Надо скакать в Чечню, а за мальчиком я еще вернусь, – готовый тут же поскакать в Чечню вскочил абрек, глядя на грузинского князя.

– Кута, мы едем в Нигоити, в мое родовое село. Я послал человека, нас ждут с нетерпением.

Кута на этот раз не хотел так далеко ехать в глубину Грузии, но то, что Александр послал человека с вестью, что они приедут домой с ним, обязывало его согласиться на поездку.

Друзья, не откладывая, тронулись в путь, направляясь по дороге в сторону Ланчхути. В Гурии для чеченца не представляло никакой опасности. Там началось крестьянское восстание. Крестьяне отказывались брать в аренду помещичьи земли и не шли работниками к ним. В этом движении принимали участие половина населения Гурии. Полицейский карательный отряд попытался захватить руководителей восстания, но гурийские абреки отбили крестьян и уничтожили часть полицейского отряда. Этот жестокий бой отбил у тех желание проникнуть на эту территорию, и ситуацию контролировала уже созданная народная милиция. Все были на подъеме, люди давали друг другу клятву верности в борьбе с помещиками. Движение кре-

стьян Гурии вызвало симпатии абреков и части дворянства. Они были сторонниками ослабления русской власти на Кавказе. Среди поддерживающих требования крестьян был и князь Александр Мачутадзе. На переговоры с крестьянами прибыл помощник наместника по гражданской части Николай Султан Крым-Гирей, российский дворянин. Он остановился у Мачутадзе и встречался с крестьянами Гурии. В это сложное время, когда крестьяне Гурии отстаивали свои права, пригласили чеченца туда.

Через несколько дней они благополучно прискакали в родовое село княжеского рода Мачутадзе. Гостей здесь ждали с нетерпением. Едва они въехали в село, их встретила ватага юношей и мальчишек на конях и пешком, дружно махая им и приветствуя их. Как только они подъехали к воротам усадьбы князя, ворота широко распахнулись, и князь с чеченским другом и своей дружиной въехали во двор. Только всадники сошли с коней, их скакунов быстро увели, а самих их окружили люди.

– Кута, тут проживают люди рода Мачутадзе, ты можешь быть спокоен, для тебя нет никакой опасности, – улыбаясь, князь здоровался с окружившими их людьми, подталкивая абрека в сторону дома. Грузинам немного странно было видеть известного абрека, о котором многие из них были наслышаны как о герое, без пояса на талии и кинжала на поясе.

– Дорогие мои! – поднял руку князь, требуя тишины. – Наш гость никуда не уезжает, мы с дальней дороги и очень устали. Дадим ему искупаться, отдохнуть, а потом мы долго и много будем с ним общаться, – устало улыбаясь он своим сородичам. До мозга костей интеллигентный и сдержанный Александр уговорами отбил у родственников и увел своего гостя в дом.

Было уже темно, когда хорошо отдохнувшего чеченца князь ввел в большой, ярко освещенный лампами зал. Здесь были несколько человек, сидящих за большим длинным столом, вокруг которого стояли тяжелые, обитые красным бархатом дубовые стулья, с высокими, как на троне, спинками. В кресле сидел горец преклонных лет, в белой черкеске, на груди которого красовалось несколько георгиевских крестов. Когда друзья вошли, сидящие за столом горцы встали, кавалер-крестоносец оставался неподвижным и пристально разглядывал абрека. Высокий чеченец был в черной черкеске, которая обтягивал его широкие плечи, без пояса и кинжала и в черных кожаных сапогах. Он выглядел как посол из сопредельной страны. Александр подвел Куту к старцу, и тот встал с кресла, поправляя на себе черкеску и кинжал с рукоятью из белой слоновой кости.

– Это мой дядя Николай, глава рода Мачутадзе, – представил его Александр.

– А это, – указал он на Куту, – чеченский абрек, мой друг Кута, – посмотрел князь на рядом стоящего чеченца.

– Кута из Довта-Мартана, – подал чеченец руку старому грузинскому князю.

Не отпуская руку Куты, старейшина рода Мачутадзе разглядывал его:.

– Я рад тебя видеть, – мягким голосом с заметным грузинским акцентом произнес он, – тут много говорят о тебе хорошего, и многие хотят тебя увидеть. – Не отпуская руку чеченца, усадил он его в тут же рядом стоящее кресло и только после этого уселся в свое.

– Увидев тебя без кинжала, грузины подумали, что ты священник, – улыбнулся он. Затем подал знак одному из рядом стоящих горцев. Тот быстро подошел к главе рода и подал ему что-то завернутое в красный бархат.

– Кута, мы будем принимать гостей в честь тебя, когда грузины увидят чеченца без оружия, им тяжело будет поверить, что перед ними абрек, – улыбаясь, он развернул бархатную ткань, в которой лежали пояс, отделанный серебром, кинжал тонкой работы грузинских мастеров и русский офицерский наган в кобуре.

– Это мой подарок тебе! Я знаю о твоем подарке сыну сванского князя.

Кута, чувствующий себя без пояса и кинжала на нем не совсем уютно, с удовольствием взял из рук грузинского князя подарок. Он тут же, туго натянув пояс на талии, закрепил на нем кинжал, а наган он передал своему другу на хранение:

– Князь, я благодарен тебе за столь щедрый подарок, он уместен для меня сейчас, как никогда, – засмеялся обрадованный подарку чеченский абрек.

Старый князь, Александр со своим другом Кутой вышли из дома во двор. Там было всё освещено, и кругом было много людей:

– Это всё наши близкие и родные, они хотят с тобой пообщаться. Мы будем кушать, кто желает, будет и пить. Когда тебе надоест эта компания, ты можешь пойти и отдохнуть, – вел Куту вниз по ступенькам его друг, – а вот завтра у нас будут гости, известные тебе грузинские абреки тоже, – радостно сообщил он чеченцу, подводя его к накрытому во дворе столу. Старый князь пожелал друзьям доброй ночи и попрощался до завтра, уходя к себе в отдельные покои.

Кута после утренней молитвы успел еще хорошо отдохнуть до того, как в доме проснулись и прислуга начала свою утреннюю работу по дому и двору. Чеченец вышел во двор подышать свежим воздухом, пройтись и размяться. К нему подошел молодой грузин, готовый оказать ему любую услугу.

Поместье Мачутадзе было большое. Юноша повел чеченца прогуляться. С восточной стороны виднелись горы Савардия, с вершины которых весело бежала река Килтикара, у подножья гор всё больше набирая свой разбег. Они вышли со двора через маленькие ворота за домом, там, в глубине задней части двора. Кута поблагодарил юношу, и направился за село, и начал подниматься на горку на окраине поместья.

В чувствительные ноздри абрека ударил морской воздух, принесенный ветром со стороны Поти, сливающийся с запахами, исходящими от утопающих в зелени садов. Здесь, на равнине Колхетии, было невероятно красиво и спокойно, и это болью ударило по его сердцу, вспомнив, как каждый день беспокойно живут в Чечне. Там опасность, исходящая от русской власти, подстерегает каждого: и стариков, и женщин, и детей. И с этими тяжелыми думами он направился в сторону гор. Когда нагулявшийся и надышавшийся свежего воздуха Кута спустился к селу, юноша ждал его там, где он его и оставил. Когда чеченец со своим провожатым вернулись, солнце стояло высоко над горизонтом. Грузинский князь ждал его во дворе:

– Ну как, Кута? Как тебе Нигоити, наша страна роз? Посмотрел на Савардия? – и пошел навстречу своему гостю хозяин дома, и, подавая руку, крепко обнял его.

– Красиво тут у вас. Тихо, сады, цветы, совсем как в раю, – заулыбался чеченец, пожимая руку грузина.

– Принесите воды, чтобы он руки помыл, – посмотрел Александр в сторону рядом стоявшей девушки-прислуги.

Когда друзья приступили к утренней трапезе, князь сообщил Куте, что вечером они ждут гостей:

– Кута, сегодня будет много гостей. Тебя хотят увидеть, с тобой хотят познакомиться и поговорить. Я уверен, что вечер будет интересный, – сообщил программу на сегодня Мачутадзе.

– Я думаю, что мне надо сегодня еще хорошо отдохнуть, я чувствую, что с этого веселья мы нескоро выйдем, – заулыбался абрек. На том и договорились. Кута удалился в отведенные ему покои отдохнуть. Александр поехал по своим делам в Ланчхути.

Вечером широкий двор перед большим двухэтажным домом в поместье Мачутадзе в Нигоити преобразился. Во дворе были накрыты столы, покрытые синими и зелеными турецкими скатертями с бахромой. Слуги и повара были в торжественных одеждах, белый верх и черный низ. Близкие князя были на месте уже в полдень, многие из них знали чеченца лично, и они с большим интересом общались с абреком до начала обещанного вечера.

Гостей собралось в поместье Мачутадзе много, причем публика была разношерстной, от князей до известных грузинских абреков, державших в напряжении большую часть Грузии. Здесь же были и известные своим умом и красотой женщины, наслышанные о красоте чеченца не меньше, чем о его мужестве.

Как по подиуму, спускались по широкой лестнице хозяин дома и его гость, чеченский абрек Кута. Женщины не разочаровались в своем ожидании: высокий, стройный, широкоплечий, в черной, плотно прилегающей на плечах черкеске, под которой виднелся белый бешмет с высоким воротом, застегнутым на все пуговицы. На ногах красовались плотно сидящие черные кожаные сапоги. Подарок главы рода Мачутадзе, кинжал, был подвешен на поясе, который был туго натянут на его узкой талии. На его круглом белом лице были короткий нос, волевой подбородок, укутанный в густую черную бороду, и спокойные, наполненные умом, бесстрашные карие глаза завершали картину изящества гостя грузин. Когда сошедшие со ступеней друзья двинулись к столам, глава рода Мачутадзе встал и указал на рядом с ним стоящий стул, предлагая чеченцу пройти к нему:

– Дорогой наш гость, прошу тебя пройти ко мне и сесть рядом со мной, – улыбался гостю старый князь. Кута сел рядом с главой рода Мачутадзе, Александр сел рядом с Кутой. Гости зашумели, переговариваясь между собой. Старый князь встал и поднял руку, требуя тишины:

– Дорогие гости, уважаемые соплеменники, я от имени рода Мачутадзе и от имени всех нас приветствую чеченского абрека Куту из известного на Кавказе чеченского племени чинахи с Довта-Мартана.

Все встали и дружно захлопали в ладоши. Кута сидел, не поднимая головы, и от смущения весь покраснел, отчего он стал еще привлекательнее. Ему были непривычны все эти светские приемы. Старый князь посмотрел на чеченца и предложил ему сказать несколько слов уважаемым гостям:

– Скажи свои пожелания собравшимся в твою честь нашим друзьям, – по-доброму улыбнулся старый князь, похлопывая по плечу чеченца, подбадривая его. Кута встал и впервые посмотрел на гостей, обводя их взглядом. Во дворе наступила тишина.

– По правде сказать, я весьма смущен столь большим вниманием к моей скромной персоне, – заговорил чеченец на русском языке, обращаясь к гостям. – Я могу смело сказать, что я, мой род, мой народ восхищаемся вашим благородством, гостеприимством и терпимостью, царящими в вашем обществе. Могу смело сказать, что чеченцы приходили на выручку грузинскому народу со времен царицы Тамары и раньше. Чеченцы никогда не посягали на ваши земли и не вторгались в ваши города и села. Хотя мы молимся разным богам, но обычаи и привычки у нас остаются одни: принимать гостя, быть верным данному слову, уважать и ценить свою и чужую свободу. Вот это нас объединяет, и это мы ценим в самих себе и в других, в ком это всё есть, – облегченно вздохнул чеченец и посмотрел на старого князя. Двор Мачутадзе взорвался от взрыва хлопающих ладоней. Старый князь поблагодарил Куту за добрые слова в адрес Грузии и грузин и предложил гостям приступить к трапезе:

– Уважаемые гости, я прошу вас угощаться, есть, пить и разделить вместе с нами нашу радость. Но до того как предложить тост за нашего гостя, я хотел бы, чтобы мой племянник, – он посмотрел на сидящего рядом с Кутой Александра Мачутадзе, – чтобы он рассказал нам, как он познакомился с чеченцем Кутой.

Все дружно захлопали в ладоши, требуя рассказа.

Александр встал, улыбнулся, и посмотрел на чеченца. Затем, прищурился, задумался, как бы прикидывая, с чего бы начать, и обвел уже широко раскрытыми глазами сидящих во дворе гостей:

– Это было весной 1897 года. Конюхи нашего поместья выгоняли наших коней на выпас за село, в это время и объезжали некоторых коней, и порой заходили даже за Ланчхути. В этот вечер к нам в усадьбу не пригнали наших коней, и конюхи тоже не появились. На второй день наши люди рано утром вышли на поиски конюхов и лошадей. Несколько коней обнаружили мирно пасущимися недалеко от нашего поместья. В течение этого дня ведущие поиск нашли всех лошадей, кроме моего жеребца арабской породы, купленного мной в 1894 году в Батуми у одного турка.

Не могли найти и наших конюхов с мальчишкой, сыном одного из конюхов. Через три дня нашли уже почерневшие трупы этих бедолаг, заваленные камнями и мусором. Через десять дней поисков я узнал, что мой жеребец находится среди коней полка русской армии, двигающейся уже по территории Азербайджана в сторону Дагестана, следующей из Батуми маршем в Астрахань. Через четверо суток мы нагнали русский полк. Со мной были еще девять отчаянных головорезов во главе с Гогиа Кенкишвили, готовых вступить в любую схватку, и некоторые из них присутствуют среди вас, – улыбнулся князь, смотря в сторону своих гостей.

– Напасть и увести своего коня не было никакой возможности, русские умели защищать себя грамотно и умело. К нам на территории Азербайджана присоединились еще пять моих друзей-азербайджанцев. Так прошел месяц, как мы следовали по пятам русских военных, не получая возможности напасть и отбить своего коня. За Кизляром русские расслабились, несколько раз с небольшой группой солдат отправляли лошадей на выпас. Мы знали, что наш час вот-вот наступит, и были в напряженном ожидании. На завтра мы приняли решение напасть на русских во время перегона лошадей и ускакать со своим жеребцом. Рано утром мы были готовы и заняли приготовленные нами позиции с восточной части дороги, по которой будут гнать лошадей на выпас.

Не прошло и часа, как мы устроились в засаде, как с западной стороны от дороги, из-за бугра, на конях показались несколько горцев и, показывая рукой на место выпаса лошадей, говорили о чем-то. Спустя несколько минут к ним присоединилась группа горцев где-то из сорока человек, и они рассредоточились на месте и исчезли из виду. Мы поняли, что за полковым табуном охотились не мы одни. Пока мы советовались, вступить нам с ними в контакт или нет, появился табун лошадей в сопровождении с десятка вооруженных солдат. Все замерли в ожидании дальнейших событий.

С места нашей засады просматривалась вся противоположная сторона как на ладони, и мы увидели проходящий метров за пятьсот от засевших на противоположной стороне горцев, сзади, казачий разъезд из вооруженных пятидесяти-шестидесяти казаков. В это самое время перегоняемый армейский табун сравнялся с местом засады тех горцев. Сидящие в засаде произвели залп из ружей и карабинов по скачущим солдатам. Восемь солдат слетели с коней сразу, пока остальные двое разворачивались, горцы их расстреливали в упор. Перепуганные кони поскакали вперед еще быстрее.

Часть горцев поскакали за табуном. Услышав выстрелы, казаки остановились и, развернувшись, поскакали на место, где гремели выстрелы. Горцы не видели их, так как видимость их сзади закрывал бугор, с которого они спустились. Казаки могли появиться у них в тылу внезапно и перестрелять их с высоты бугра. Думать времени не было. Я вскочил на коня и, увлекая за собой своих друзей, бросился наперерез, казакам навстречу. Горцы видели нас, но мы скакали не на них, а начали стрелять в сторону казаков.

Догадавшись, что за бугром за ними кто-то есть, горцы побежали наверх и успели занять позицию до того, как казаки их достигли. Подскакивающих казаков они расстреливали в упор. Доскакав до места стычки, мы тоже вступили в бой. Человек десять-двенадцать казаков ускакали, остальные были перебиты в этой схватке.

– Вы кто? – подскочил к нам горец, вопрошая на кумыкском языке. Мои азербайджанцы вступили с ним в разговор. Тем временем догнавшие горцы уже гнали табун обратно. Говорить времени не было, надо было срочно покинуть место нападения, и мы все вместе погнали своих лошадей за табуном. Своего арабского жеребца я узнал сразу, он немного осунулся, но носился так же резво. Мы несколько часов неслись сломя голову, пока не завернули на узкую поляну в лесочке, возле небольшой речушки. Здесь должны были разделить добычу, и каждый со своей частью разбегались и добирались до себя самостоятельно. Группа горцев состояла из семи чеченцев, были аварцы, несколько кумыков. Нападение готовили и возглавляли лезгины. Я через друга-азербайджанца сообщил, что я пришел за своим арабским скакуном:

– Я полтора месяца преследовал русских, чтобы отбить своего арабского жеребца, и я хотел бы его получить обратно, – посмотрел я на горцев.

– Конь мой, это уже обговорено, и я от своей добычи не откажусь, – смуглявый, похожий на азербайджанца высокий горец с густой черной бородой зло разглядывал меня, это был лезгинский абрек Кири-Буба.

– А как ты докажешь, что жеребец твой? – усмехнулся стоящий рядом с ним здоровый детина с кулаками, как кувалды.

– Очень просто, – усмехнулся я, вставая, и, выйдя на поляну, свистнул, подавая сигнал своему коню. Мой жеребец поднял голову, и, наострив уши, замер в ожидании. Когда я свистнул второй раз, он посмотрел в мою сторону и, как молния, примчался ко мне. Он толкал меня головой, и слёзы градом катились из глаз моих и моего жеребца. Он то ласкался ко мне, то, словно ребенок, толкал меня головой, фыркая и мотая головой, выражая обиду.

– Прекрати этот цирк, – услышал я голос за собой. Когда я оглянулся, увидел направленный на себя карабин смуглявым бородатым горцем-лезгином. – Мои люди держат твоих дружков под прицелом, предлагаю тебе отсюда убраться подобру-поздорову, пока мы не отобрали у вас коней и не перестреляли вас. Быстро скачите к себе в Грузию.

Наступила тишина. Из рядом стоящей группы чеченцев подал голос их вожак:

– Опустите оружие. Грузин заберет своего коня и возьмет свою часть добычи, – передернул он карабин и направил на лезгина. Рядом с ним стоявшие чеченцы взвели курки своих ружей и направили в сторону лезгин. – По договоренности жеребец должен был быть твой, если бы он принадлежал русским. И если это было бы и так, он, – чеченский вожак кивнул на меня, – по-любому забрал бы этого коня, он наш гость.

Аварцы и кумыки встали рядом с чеченцем.

– Этот бесстрашный, славный чеченец был абрек Кута, – князь поднял чеченца и крепко обнял его.

Боясь, что мне по пути домой могут устроить засаду, Кута забрал меня и моих друзей к себе в Чечню. Азербайджанцев мы отпустили на попечение аварцев. В Довта-Мартан, домой к Куте, мы поехать не смогли: его повсюду искали. Мы провели несколько дней в его племенном горном бастионе Ушкале.

Мы остановились у родственников Куты. Узнав о нашем приезде, нас проведать глава Ушкалы, полковник в отставке Джаватхан Чинхоевский, он от себя лично прислал нам крупного барана. Мы провели в гостях у племени чинахи трое суток. До выздоровления оставили там раненого Мелкиседека Гунташвили. Затем Кута, его друзья и родные проводили нас в Хевсуретию, в Шатели. Я со своими друзьями на своем жеребце спустя почти два месяца прибыл к себе домой, в Нигоити.

Тасо Мхеидзе

Вечер был в разгаре, когда к старому князю подошла жена Александра, княгиня Тасо Мхеидзе, с несколькими очень богато одетыми молодыми женщинами:

– Князь, наши гости хотят отдельно пообщаться с чеченцем, – посмотрела она на Куту. Абрек умоляюще посмотрел на Александра, тот усмехнулся:

– Как там у вас, в чеченской поговорке: если сел в грузинскую повозку, пой грузинские песни, – и, улыбаясь, добавил, – эти дамы тоже наши гости, они из очень уважаемых княжеских родов.

Когда Кута в компании княгини и ее подруг направились в сторону дома, одна из дам обратилась к чеченцу:

– Скажите, любезный, в вашем роде не было шляхтичей? Больно у вас польский акцент, – заглядывала она ему в лицо, источая тепло своей божественной нежной улыбки...

После завершения торжественного приема в честь Куты у Мачутадзе остались его друзья, гурийские абреки Дато Шеварднадзе, Симон Долидзе, Мелкиседек Гунташвили, среди них был и приехавший в гости Гогиа Кенкишвили. Ранним утром абреки ускакали, увозя с собой чеченского абрека, чтобы он отдохнул от всех светских увеселений и обязательств.

Абреки прискакали высоко в горы Савардия. Здесь на берегу речушки Килтикара, недалеко от водопада, было очень уютно сооруженное место, где от преследования властей укрывались гурийские абреки-пирали. Абреков здесь ждали. На оборудованной летней печи варилось мясо, и тут же рядом маленький низкий стол был заставлен продуктами, фруктами и овощами. Вокруг стола и печки колдовали несколько горцев. Гости с ними поздоровались и прошли к умело сколоченному из досок длинному столу.

Здесь было хорошо, горная прохлада и свежий воздух возбуждали аппетит и заряжали энергией душу и тело. Когда Кута прочитал полуденную молитву и вернулся к друзьям, стол был накрыт, и грузины ждали его, не приступая к еде. Друзья, принимая пищу, рассказывали

разные забавные истории из их жизни, смеялись, и так за столом незаметно проходил день, когда дозорные сообщили, что к ним едут несколько всадников. Гостями оказались Хареба Джибути с двумя горцами. Ловко соскочив с коня, он, широко улыбаясь и качая головой, направился к чеченцу:

– Кута, мы были в Телавских лесах, когда я узнал, что ты гостишь у Мачутадзе. Я прискакал, чтобы увидеть тебя, на торжество не попал, но, кажется, на сходку кавказских абреков приехал вовремя, – он громко смеялся, крепко обнимая чеченского абрека.

– Месяц назад в Панкисском ущелье видел твоего друга Зелимхана из Харачоя. Он говорил, что ты в Сванетии ищешь чеченского мальчика.

– Перед моим выездом в Карачаево мы были вместе у ингушского абрека Саламбека, они проводили меня до границы с Кабардой. Я и рассказал, что я собрался к князьям Дадешкелиани в Сванетию.

Кута улыбался, радуясь встрече с этим мужественным горцем, который готов был отдать и свою жизнь, не моргнув глазом, за торжество справедливости. Поздоровавшись и с остальными, еще немного пошумев расспросами и от удовольствия встречи, горцы успокоились и расселись за столом. Хареба никак не успокаивался:

– Смотри, Кута, здесь, за этим столом, нас немного, но мы представляем Кавказ. Только в Грузии нас называют и абраг, и пирали, и качаг. В Чечне тебя зовут абарг, у ингушей почти так же. У других народов свои нам дают имена, но делаем мы везде одну работу. Мы защищаем обиженных и униженных, мы приходим на зов любого просящего, но почему-то многие нас и не понимают, – он глядел на чеченца, пытаясь узнать ответ этого секрета.

– Мы не одни в попытке защитить людей, общество от произвола власти, поборов помещиков и неравенства людей. Сегодня у нас в Грузии успешно работают социал-демократы, есть сторонники у анархиста Сидаманидзе, они уже здесь в Гурии, восстание крестьян пытаются использовать в своих целях. Но реально крестьян от произвола полиции защитили только мы, пирали Гурии, их карательный отряд ретировался только тогда, когда мы их стали отстреливать, – на одном дыхании выдал Дато Шеварнадзе. Симон Долидзе кивал головой в такт эмоциональному выступлению своего друга, выражая ему свою поддержку. Грузинские абреки посмотрели на чеченца, который внимательно слушал их, не вставляя ни одного слова.

– У нас на той стороне Кавказа тоже много разговоров по событиям в России и на Кавказе. Со мной встречались много разных людей, пытаюсь заручиться моей поддержкой в их работе в Грозной, в Пятигорске. Они говорят про улучшение дел в России со сменой власти там и даже сменой строя. Мы разные. С русскими нас, кавказцев, ничего не связывает, кроме как ненависти друг к другу. Они жестоки и никогда не выйдут из рабства. Свободные люди и рабы не могут жить вместе. Или они станут свободными, или из нас сделают себе подобных рабов. Я уверен, что мы на верном пути, мы боремся за свободный Кавказ без русских, без их невежества и их рабства. За нашими спинами распускают слухи, что мы бандиты, что мы жульничаем и воруем, есть и такие в кавказском обществе, кто под нашим именем проделывают эти трусливые дела с беззащитными и женщинами, к сожалению. Но по-крупному воруют и грабят горцев они, кто во власти, а мы забираем у них и отдаем обездоленным, вдовам и сиротам. Нам надо быть вместе всем Кавказом и первым делом освободиться от этой русской чумы. Сами мы между собой всегда разберемся. И до прихода русских на Кавказ мы жили без войн и кровопролитий, – чеченец был собран, как будто он выступал на всегрузинском сходе. Вдруг голос подал до сих пор молчавший Гогиа Кенкишвили:

– Чем мы отличаемся от всех политиканствующих горцев на Кавказе?! Они обещают, что что-то может произойти когда-то, может, это и хорошо. Может, это и надо. Но что делать с теми, кто сегодня нуждается в защите, кого разорили, у кого увели дочь или красавицу-жену? Когда сёла или аулы остаются без пищи в голодные месяцы, еду им достаём только мы. Для них не утешение, что будет через год, десять лет! Они нуждаются в защите сейчас, сию минуту.

Это делаем мы, абреки Кавказа! Нас не так много, как хотелось бы, как правило, нас убивают! За нами идет охота, но охотимся за врагами и мы. Если власти нас не боялись бы, их произвол давно перерос бы в тотальный террор, – взволнованный Гогиа, пытаясь успокоиться, последовал в сторону водопада.

Два дня пролетели быстро. Кавказские абреки еще раз сверились своими делами, заручились поддержкой друг друга и разъехались по своим делам.

Через двое суток вечером Кута прибыл в усадьбу Мачутадзе. Рано утром он засобирался домой, и его проводить отправились Александр Мачутадзе со своими людьми. Через шесть дней они благополучно прибыли в Ушгули к князю Мушни Ратиани. Теперь здесь было безопасно. Нагрянувшим отрядам жандармерии и в голову не пришло, что абрек мог ускакать вглубь Грузии. Они обыскали Ушгули и все его окрестности, шерстили горы и перевалы. Затем, поверив, что Кута проскочил в Балкарию, бросили свои поиски и вернулись обратно в Кутаиси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.